

Ольга Баринова

Сладкий вкус страсти

«Литнет»

2026

Баринава О.

Сладкий вкус страсти / О. Баринава — «Литнет», 2026

Он Сет — бог войны. Она Нейт — богиня мудрости. Они правили кибер-мирами и сражались друг с другом 3000 лет. Теперь он — смертный механик из трущоб. Она — нелегальный целитель. У них есть 40 дней, чтобы полюбить друг друга или погибнуть.

© Баринава О., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	19
ГЛАВА 6	22
ГЛАВА 7	26
ГЛАВА 8	29
ГЛАВА 9	32
ГЛАВА 10	35
ГЛАВА 11	38
ГЛАВА 12	41
ГЛАВА 13	44
ГЛАВА 14	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

ПРОЛОГ

3000 лет назад. Главный храм Сауса, звёздная империя Нут

- Ну же, добей меня, богиня, - рокошет голос Сета.

Он поднимает голову, и в его глазах, которые раньше горели золотом, а теперь потухли до ржавого - она видит усмешку. - Ты же этого хотела.

- Я не добиваю раненых.

- О, прости. - Он сплевывает кровь. Капля падает на пол, и черный обсидиан впитывает ее за секунду, как будто сам храм пьет божественную сущность. - Забыл, как ты благородна...

Нейт заносит копье снова. Острие касается его горла - там, где под тонкой кожей бьется сонная артерия. У богов она тоже есть. И когда ее перерезать, они умирают. Не навсегда - через пару тысячелетий воскреснут в новом теле. Но Сет не воскреснет. Сегодня она взяла копье Анубиса - то самое, что разрывает душу на квантовом уровне.

Он знает это, и все равно усмехается.

- Твоя рука дрожит, богиня, - говорит он, запрокидывая голову. Осколок стрелы в его плече входит глубже, но он даже не морщится. - Я чувствую вибрацию через металл. - Он закрывает глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри. - У тебя пульс сто тридцать. Ты боишься.

- Я не боюсь убивать.

- Нет. - Он открывает глаза. Улыбка становится шире, и в углу рта трескается запекшаяся корка крови. - Ты боишься того, что будешь чувствовать, когда я умру. Потому что ты уже это чувствуешь. И это убивает тебя сильнее, чем твое проклятое копье.

Нейт опускает оружие на миллиметр. Острие царапает кожу на его шее - выступает тонкая нитка черной крови. Она пахнет грозой и почему-то жасмином. Этого запах преследовал Нейт уже три тысячи лет.

С тех пор, как она впервые увидела его на Совете.

Он тогда сидел на троне из голографических черепов, и смеялся над предложением Тота о перемирии. Смеялся так, что пирамида дрожала. А она смотрела на его руки - широкие ладони, длинные пальцы, покрытые ритуальными шрамами, - и думала: «Интересно, каково это – оказаться в объятьях этих рук».

Потом они встретились в бою. Потом - еще раз. Потом они как будто специально начали искать друг друга на полях сражений. Нейт убеждала себя, что это просто интерес к сильному противнику.

Она врала себе три тысячи лет.

Потому что однажды, в руинах Дендеры, когда они сражались под дождем из раскаленного металла, он схватил ее за запястье и прижал к стене. Его зрачки расширились, а дыхание сбилось.

- Ты пахнешь корицей, - сказал он тогда.

- Это запах твоей гибели, - ответила она.

- Так погуби меня, - прошептал он и поцеловал.

Нейт помнит этот поцелуй до сих пор - соленый от крови, горький от пепла, сладкий от чего-то такого, для чего у нее не было имени. Он целовал ее жадно и зло. Она вцепилась пальцами в его плечи, чувствуя, как дрожат его руки, и молилась всем богам, чтобы это никогда не кончалось.

В тот же миг на храм Хатхор упала термоядерная бомба, и их раскидало по разные стороны воронки.

С тех пор прошло три тысячи лет. Они встречались тайно еще сотню раз. В пустых храмах, на заброшенных станциях, в астероидных полях, где никто не мог их найти. Он говорил

ей: «Я убью любого, кто посмеет коснуться тебя». Она отвечала: «Я уничтожу любую, кто встанет между нами».

Они сходили с ума друг без друга в тишине. А на Совете делали вид, что ненавидят друг друга.

А потом Тот узнал.

Верховный бог мудрости - ее отец по духу, ее учитель, ее создатель - призвал Нейт в Великую Пустоту. В место, где даже эхо умирает.

- Он наш враг, - произнес Тот спокойно, без капли гнева. Это ледяное спокойствие пугало сильнее крика.

- Мы любим друг друга, - просто ответила она.

Тот молчал так долго, что несколько смертных поколений успели состариться и умереть. А потом он вынес приговор: «Я сотру вашу память. Ты будешь ненавидеть его. Он будет ненавидеть тебя. Вы будете сражаться, пока один из вас не падет».

«А если я откажусь?»

«Тогда я убью твоего сына».

Да, у нее был сын.

Ее прекрасный мальчик Себек, покровитель Нила. Сет не знал о нем - Нейт боялась сказать. Она думала, что так защищает их обоих.

И вот теперь Сет лежит, поверженный, острие копья Анубиса касается его горла, и Нейт дрожит, потому что понимает, что это конец.

- Нейт. - Теперь он говорит ее имя тихо. - Если ты собираешься это сделать, сделай быстро. Не заставляй меня смотреть на твое лицо.

- Я не хочу тебя убивать. - Голос ломается и она ненавидит себя за этот надрыв.

- Тогда что ты делаешь?

- Я... - Она закрывает глаза. - Я спасаю нашего сына.

Сет замирает.

- Какого сына? - Слышит она его хрип.

- Нашего. - Она открывает глаза. Слезы текут, но она их не вытирает. Пусть видит. Пусть запомнит (нет, он не запомнит, Тот уничтожит даже это). - У нас есть сын, Сет. И он никогда не узнает, что его отец - бог войны.

Он молчит. Долго. Нейт слышит, как тяжело и медленно стучит его сердце.

- Ты врешь, - наконец говорит он. - Ты врешь, чтобы я не убивал тебя в ответ. Ты всегда была хитрой стервой.

- Я не вру. - Она роняет копье.

Металл падает на обсидиановый пол с таким звоном, что у нее закладывает уши. Она опускается на колени перед ним. Ее лицо - напротив его лица. Она видит каждую трещинку на его губах, каждую ресницу, каждый шрам на скуле.

- Прости. Мне не оставили выбора.

- Выбор всегда есть, Нейт. - Он тянется к ней. Его пальцы касаются ее щеки - шершавые, горячие, живые. - Мы могли бы сбежать. Взять нашего сына и сбежать за пределы галактики. Туда, где даже Тот не найдет.

- Он найдет нас везде. Ты знаешь это лучше меня.

Сет закрывает глаза. Его рука падает.

- Тогда пообещай мне кое-что, - говорит он. - Когда мы забудем. Когда проснемся в смертных телах с ненавистью друг к другу. Когда я попытаюсь убить тебя в следующий раз - ты вспомнишь этот миг. И ты не дашь нам умереть.

- Я обещаю.

- Поклянись.

- Клянусь душой, телом и пустотой между звезд.

Он открывает глаза. Улыбается - той улыбкой, от которой у нее подкашиваются колени даже сейчас, когда рушится их мир.

- Поцелуй меня, - просит он. - В последний раз.

Его губы соленые - от крови и от слез, от трех тысяч лет тайной любви, которая никогда не должна была случиться. Он целует её так, будто хочет забрать себе саму память о ней. Спрятать там, куда Тот не доберётся.

Но Тот доберется везде.

Нейт чувствует, как ее сознание начинает распадаться.

Но в последний миг - прежде чем тьма поглотила ее разум - ее рука скользнула за воротник. Там, с внутренней стороны, пришиты маленькие артефакты – два золотых скарабея. Она взяла их в лаборатории Тота, сама еще не зная, зачем. Просто почувствовала - пригодится.

Нейт зажимает артефакты в кулаке и шепчет: дайте нам узнать друг друга.

Скарабеи вспыхивают золотом на миг и растворяются в пространстве.

Нейт чувствует, как ее сознание превращается в песок. Но где-то глубоко внутри остается крошечная точка тепла.

Сет отстраняется первым. Смотрит на нее пустыми глазами.

- Кто ты? - спрашивает он без злобы и любви.

Она не отвечает. Она уже забыла, как ее зовут.

- Это еще не конец..., - шепчет черная тень, глядя на две обугленные души, рассыпающиеся в пыль. - Через три тысячи лет они проснутся в смертных телах. Без памяти, силы и надежды.

Тень поднимает руку. Золотая пыль, в которую превратились Сет и Нейт, завивается в две спирали.

- Или любовь спасет вас, или проклятие убьет навсегда.

Она разжимает пальцы.

Золотые скарабеи взлетают, пронзают ткань реальности и исчезают во тьме - туда, где спят Новые Фивы.

Туда, где отсчет уже начался.

ГЛАВА 1

Новые Фивы никогда не спят.

Ашраф эль-Саид сидел на балконе своей каморки - три метра ржавого металла, нависающие над пропастью в тридцать этажей. Внизу, в бесконечной ночи, копошился город. Огни пирамид отражались в мутных водах канала, и ему казалось, что он смотрит не на трущобы, а на перевёрнутое небо - такое же грязное и далёкое.

Он отхлебнул из горлышка синте-пойло. Жидкость обожгла горло, оставляя послевкусие дешевой химии. На этикетке было написано «Долина Царей. Винтаж 2345г», но Ашраф знает, что эту бурду мешают в подвалах «Чёрной Пасти» из растворителя, воды и ароматизатора «Мускатный орех». Он никогда не пробовал настоящего муската. Как и настоящего вина. В Новых Фивах всё ненастоящее.

Его пальцы, чёрные от машинного масла, перебирали детали разобранного дрона - заказ от того торговца с рынка. Дрон должен летать, снимать и шпионить за конкурентами. Ашрафу плевать, для чего. Ему нужно поесть и заплатить за угол. И купить новую смазку для протеза, потому что старый скрипит так, что соседи жалуются.

Он поднес к глазам плату управления - микротрещина, замыкание, надо просто перепаять. Единственная его живая рука задрожала. Не от вина, а от старого нервного тика, ещё с детства, когда он чинил взрыватели для контрабандистов и егохватило током в несколько тысяч вольт. С тех пор правая ладонь иногда трясётся, как перепуганная мышь.

- Давай, родимый, - пробормотал он, припаявая новый контакт. - Ещё немного, и полетишь.

Запахло озоном и горелым пластиком. Микроплата ожила - синий огонёк загорелся, дрон зажужжал, поднялся на десять сантиметров и упал обратно на стол.

- Чёрт.

Ашраф потерял переносицу. Он устал, так как не спал уже вторые сутки. Не потому, что не хотел - потому что боялся закрывать глаза. Когда он засыпал, ему снилось одно и то же: женщина с копьем. Не лицо - размытое пятно. И этот запах корицы, преследующий его даже наяву, примешиваясь к вони трущоб, заставляя крутить головой в поисках источника.

В прошлую ночь она плакала.

Кто она? Почему он видит ее каждую ночь? И почему каждый раз просыпается с чувством, что потерял что-то важнее жизни?

Ашраф отхлебнул ещё пойла, чтобы заглушить вопросы. Комната кружилась - синте-спирт быстро ударяет в голову. Это хорошо. Чем быстрее он отключится, тем меньше будет думать.

- До завтра, дружок - сказал он дрону и повалился на койку.

Чёрный купол. Храм. Свет голографических звёзд, которые не греют и не умирают. Пол из обсидиана - гладкий, холодный, скользкий от крови. Его крови.

Перед ним женщина с копьем. Но вместо страха он чувствовал только одно - желание. Он не помнил её лица. Но помнил вкус. Сладкий вкус страсти, которая сжигала их обоих.

Она в доспехах из чёрного синте-стекла. Её лицо - она прячет его в тени капюшона, но Ашраф видит острый подбородок, и бледные, плотно сжатые губы. И родинку у основания шеи в виде звезды. Сердце его сжимается от нежности и желания.

- Убей меня, - говорит он. Голос чужой, низкий, с вибрацией, которой в его теле нет. - Ты же этого хочешь.

- Я не хочу, - отвечает она ломким голосом. - И никогда не хотела.

- Тогда почему?

Она молчит. Долго. А потом снимает капюшон.

Ашраф пытается разглядеть её лицо - но не может. Словно кто-то наложил поверх изображения мутное стекло. Только глаза, полные такой боли, что у него перехватывает дыхание.

- Потому что я люблю тебя, - шепчет она. - И потому что я должна тебя забыть.

Она заносит копьё для удара.

Ашраф с криком проснулся.

Он сел на койке, трясаясь, как в лихорадке. Лоб в поту, сердце колотилось так, что рёбра закололо. Рука дрожала сильнее обычного - он сжал ее в кулак, чтобы унять.

- Сон, - прошептал он. - Это просто сон.

Но внутри всё кричало: нет, не просто.

Подушка стала влажная, как будто от слёз. Разве он умеет плакать? Последний раз - в шесть лет, когда умерла мать. С тех пор он не позволял себе этой слабости.

Он оглядел комнату, чтобы зацепиться за реальность. Стол с дроном. Раковина с ржавыми подтёками. Окно, за которым мигают огни пирамид. Всё на месте, как обычно.

Кроме золотого жука-скарабея, который лежал на его подушке.

Ашраф замер.

Этой вещицы здесь точно не было.

Металлический скарабей поблёскивал в тусклом свете неона. Размером с ладонь, с выгравированными иероглифами, которые Ашраф почему-то понимает. «Открой глаза, Сет». «Твоё время пришло». «Верни то, что утратил».

- Что за чёрт? - пробормотал он и потянулся к жуку.

В момент касания скарабей вспыхнул так, что Ашраф отдернул руку. Из жука вырвалась голограмма женщины с рогами на голове, между которыми находился солнечный диск.

Ашраф никогда не видел богов вживую - только на картинках. Но он вспомнил: это Хатор - богиня любви, радости и красоты.

- Ашраф эль-Саид, - мелодичный голос Хатор зазвучал прямо внутри его головы. - Ты не знаешь, кто ты. Но кровь твоя помнит. И душа скорбит о потере.

- Я - простой механик, - прошептал Ашраф, сжимая край койки. - И у меня нет души.

- У каждого есть душа, Сет. Даже у падших.

- Меня зовут Ашраф.

- Тебя зовут Сет. Ты был богом войны. Ты правил звёздными легионами. Твоя власть простиралась от Сириуса до окраин Андромеды. - Голограмма наклоняет голову, солнечный диск скользит по воздуху. - Ты был наказан за гордыню. Как и она.

- Она? - шепчет Ашраф.

- Та, что посмела пойти против всех правил. - Хатор замолкает, и голубые глаза сужаются.

- Вы оба были прокляты. Но проклятие можно снять.

Голографические звёзды закружились вокруг фигуры Хатор, складываясь в странные символы.

- Вот условие, Сет. У тебя есть сорок дней. Найди Нейт. Заставь её полюбить тебя. Если она признается тебе в любви - ты вновь обретишь свою бессмертную сущность.

Ашраф громко рассмеялся.

- Это что за глупая шутка? Любовь? Я должен заставить какую-то бабу полюбить меня за сорок дней? Да я даже дрон не могу починить с первого раза!

- Не смей говорить то, за что можешь жестоко поплатиться, - голос Хатор становится холоднее, а улыбка стала напоминать змеиный оскал. - Выбор за тобой.

Голограмма погасла, и скарабей упал на подушку куском простого металла.

Ашраф сидел, глядя в стену. Мысли путались, как провода в разобранном дроне. Бог войны. Сорок дней. Какая-то Нейт.

- Бред, - хрипло произнес он. - Синдром отмены. Нужно меньше пить.

Он встал, чтобы налить себе воды, сделал шаг - и колено подвернулось. Протез закрипел, и Ашраф схватился за край раковины, чтобы не упасть. Резкая боль пронзила бедро - там, где металл соединяется с костью.

Он поднял штанину и осмотрел на место крепления.

Рана выглядела паршиво.

Та самая, что появилась две недели назад, когда он упал с лестницы, уворачиваясь от пьяного дебошира. Обычная царапина. Такие заживают за три дня.

Но эта и не думала заживать. Напротив, кожа вокруг неё приобрела мертвенно-пепельный оттенок, края обуглились, а из-под повязки сочилась сукровица с тяжелым запахом гниения.

- Чёрт...Это еще не хватало... - одними губами прошептал Ашраф.

Он перевел взгляд на электронные часы над раковиной. Те мигали багровым, хотя еще минуту назад показывали обычное время: 39/24:00.

- Что за... - начал он, но цифры моргнули.

39/23:59

Обратный отсчет начался.

ГЛАВА 2

Ашраф не помнил, как оказался на улице.

Одно мгновение - он стоял у раковины, глядя на гниющую рану, пытаясь убедить себя, что это совпадение. Следующее - он уже пробирается сквозь утреннюю толпу по «Чёрной Пасти», сжимая в кармане золотого скарабея, которого почему-то не выкинул.

Город живёт своей жизнью - жестокой, грязной и равнодушной. Торговцы орут, дети бегают между ног, пахнет горелой синтетикой и дешёвыми духами. Кто-то хватается за Ашрафа за рукав - «Эй, механик, почини мой имплант», - он отмахивается, не глядя.

Мысли крутятся, как дрон с перебитым пропеллером.

Бог войны.

Он смотрит на свои руки. Точнее руку. Мозолистую, грязную, с вечно дрожащими пальцами. Ашраф починил тысячи дронов, сотни имплантов, десятки генераторов. Но ни разу в жизни не держал оружия серьёзнее монтировки.

Заставь её полюбить тебя.

Он вспоминает единственную женщину, с которой у него были серьезные отношения - Сафию, дочь торговца с нижнего уровня. Они встречались почти два года. Она бросила его, когда узнала, что он не может оплатить ей новый имплант для глаз. «Ты никто, Ашраф», - сказала она. Он не спорил. Она была права.

Или умрёшь.

Гниющая рана пульсирует в такт сердцу. Ашраф трогает её через ткань - и пальцы проваливаются в мокрую, рыхлую плоть. Ещё немного, и начнётся сепсис. Ещё немного - и он умрёт в этой вонючей камере, и никто не найдёт его тело, пока запах не начнёт беспокоить соседей.

- Нет, - говорит он вслух. - Я не хочу умирать.

Прохожие оборачиваются, но Ашрафу плевать.

Он сворачивает в переулок, где воздух чуть чище - потому что грязнее уже некуда. Здесь, между двух пирамид, проход сужается до метра, и солнце сюда не заглядывает никогда. Стены покрыты голограммами рекламы: «СЕКС ЗА КРЕДИТЫ», «БОГИ ВЕРНУЛИСЬ? НЕТ, ЭТО НОВЫЙ ТОНИЗИРУЮЩИЙ НАПИТОК», «ТВОЙ ДОЛГ - ТВОЯ СМЕРТЬ».

Он стучит в железную дверь. Три коротких, два длинных - старый код, который не менялся годами.

Дверь открывается на два сантиметра. В щели - красный светящийся глаз.

- Ашраф? - голос хриплый, прокуренный. - Ты что, совсем охренел? Утро же.

- Фади, открывай. Мне правда нужно.

- А мне нужно, чтобы ты ушёл.

- Фади. - Ашраф наваливается на дверь плечом. Протез скрежещет, но железо поддается.

- Пожалуйста.

Фади - маленький, лысый человечек, с огромным животом, который выпирает из-под майки. Его правый глаз - кибер-имплант, красный, жуткий и вращается независимо от левого. Фади видит то, что другие не видят: энергетические следы, ауры, скрытые импланты. Говорят, он даже умеет читать мысли, если подойти достаточно близко.

- Ладно, заходи, - бурчит толстяк. - Но, если ты притащил копов, я тебя лично скормлю шакалам.

Комната Фади - это просто музей кошмаров. На стенах - схемы пирамид, карты подземелий, фотографии богов (Фади не верит в их величие). На стеллажах - банки с кибер-органами, коробки с имплантами, какие-то мутные колбы, от которых пахнет формальдегидом, хлоркой и ещё чем-то сладковато-тошнотворным.

- Садись, - Фади кивает на табурет. - Рассказывай. И не ври - мой глаз видит ложь.

Ашраф сел, невольно усмехнувшись. Если бы глаз Фади действительно отличал ложь от правды, его хозяин не жил бы в этом клоповнике. Колено хрустнуло, он потер его механической рукой и посмотрел в красный глаз.

- Ты слышал о проклятиях? О настоящих.

- О настоящих не слышал... Видел. - Фади щёлкает пальцами, и имплант мигает. - Три года назад, в Долине Царей мы нашли одну гробницу. Внутри саркофага лежало молодое, нетронутое тело. На лбу у этого красавчика был изображен иероглиф, который светился. А потом пришли люди в чёрном и убили всех свидетелей, а я спрятался в саркофаге.

- И что это было?

- Проклятый бог. Низвергнутый. - Фади наклонился ближе, дыша чесноком и перегаром. - Говорят, их души живут среди нас, не помня себя. А когда вспоминают - либо умирают навсегда, либо снова становятся богами.

- Разве можно снова стать богом?

Фади посмотрел на него долгим нечитаемым взглядом. Красный глаз зажужжал, настраиваясь.

- Зачем тебе?

- Починить кое-что. - Ашраф кивнул на больную ногу. - Рана не заживает... Вторая неделя пошла.

- Вторая? - нахмурился Фади. - Такие раны заживают за часы. Что ты скрываешь?

Ашраф промолчал. Не мог же он признаться, что «жук-скарабей сказал мне, что на самом деле я бог войны, и у меня есть сорок дней, чтобы влюбить в себя богиню мудрости, иначе я заживо сгнию». Фади подумает, что он сошёл с ума. Или - что хуже - поверит.

- Скажи мне одно, - медленно проговорил Ашраф. - Нейт. Ты знаешь такую?

Красный глаз Фади замер и перестал жужжать. Толстяк откинулся на спинку стула и посмотрел куда-то в потолок.

- Нейт, - повторяет он, пробуя имя на вкус. - Богиня мудрости... Что тебе от нее нужно?

- Всего лишь понять, почему она мне снится каждую ночь...

Фади поднял бровь и лицо его комично перекошилось. Потом он медленно потянулся к ящику стола и достал оттуда потрёпанный свиток.

- Тебе срочно нужно к храмовой проститутке, от воздержания чего только не приснится... А по поводу ноги... В Старом Некрополе есть клиника, но так просто туда не попасть, нелегалы, сам понимаешь... Вот пароль... Но если что там намудришь - я тебя не знаю. И не ищи меня больше никогда.

Ашраф взял свиток и пальцы единственной живой руки дрогнули.

- Спасибо, друг.

- Не благодари, и я тебе не друг... - Фади изучающе посмотрел на него красным глазом. - Передай от меня это. - Он протянул Ашрафу антистатический пенал с чипами. - И скажи, что Фади всегда оплачивает свои долги.

Ашраф встал, и колено опять предательски хрустнуло.

Он вынул из кармана золотого скарабея и протянул его толстяку.

- Посмотри, что я сегодня нашёл.

Тот побледнел и отшатнулся.

- Убирайся, и чтобы больше я тебя здесь не видел! Так и знал, что накликаешь беду на мою несчастную голову! Вон! Вон!

Опешивший от такого Ашраф снова оказался в переулке, где мигающие голограммы обещали спасение, любовь и вечное счастье. Всё, что угодно - за кредиты. И все это было ложью.

Он посмотрел на адрес, нарисованный на свитке. Некрополь. Примерно час пешком.

Ашраф сделал глубокий вдох. Воздух вонял гарью и отчаянием.

Он посмотрел на часы: они показывали тридцать девять дней и двадцать три часа.

ГЛАВА 3

Старый Некрополь встретил её тишиной.

Лейла любила эту тишину. Здесь, в нескольких километрах от центра, старые пирамиды стояли тёмными силуэтами на фоне ржавого неба, как зубы старого, больного зверя. Ветер гулял между руин, выл над головами, поднимал едкую пыль, которая пахла тленом и смертью.

Но смерть не страшила Лейлу.

Смерть - это её работа.

Она прошла по узкому коридору, вырубленному в скале ещё до того, как Новые Фивы стали Новыми Фивами. Стены покрывали настоящие иероглифы, вырезанные в камне, не голографические. Лейла не знала древнего языка, но почему-то понимала смысл. «Здесь покоится та, что видела начало». «Истина больнее, чем тысяча ран». «Боги не умирают - они ждут».

Её пальцы скользнули по стене, читая знаки на ощупь. Камень был холодным, шершавым, местами влажным - где-то протекала труба. Пахло известкой, кровью и травами - тимьяном, ромашкой и еще чем-то сладким, похожим на мёд.

Она свернула в боковой проход, отодвинула ржавый лист металла, маскирующий дверь, и вошла в клинику.

Медцентр представлял собой всего несколько комнат, вырубленных в древней гробнице. В первой - приёмная: стул, кушетка, стол с инструментами, аптечка, старый стерилизатор. Во второй - операционная: стол, лампа и оборудование. Затем несколько палат, душ и её спальня: матрас на полу, стопка книг, потертая фигурка Исида - все, что осталось от матери.

- Я дома, - сказала Лейла пустоте.

Пустота ничего не ответила.

Лейла сбросила обувь у входа, прошла к раковине и долго тёрла руки щёткой. Антисептик щипал свежие царапины, но она не морщилась. Боль - её союзник. Она помогала не думать о том, что будет завтра.

Она вообще старалась не думать о будущем последние десять лет с тех пор, как сбежала из приюта при храме Сехмет, где её учили быть жрицей, а она научилась только одному: боги не спасают. Люди спасают людей. И то - не всегда.

Лейла посмотрела на себя в треснутое зеркало над раковиной. Тридцать лет, а выглядела на все сорок. Лицо бледное, под глазами - синие тени от бессонницы, губы потрескались. Волосы, чёрные, как смоль, заплетены в толстую косу. Единственное, что осталось красивым - это глаза. Серебристые, глубокие, с вертикальными зрачками, которые появлялись, когда она злилась или боялась.

Она не знала, почему зрачки меняли форму. Врачи говорили - это редкий генетический дефект. Лейла не верила. Слишком уж похоже на то, что она видела в кошмарах каждую ночь.

Женщина с копьём, с ее лицом и глазами.

В кошмаре она стояла над истекающим кровью мужчиной. Мужчина умирал, но смотрел на неё с усмешкой. «Убей меня», - говорил он чужим голосом. Сердце ее сжималось от нежности и страсти. Она плакала и заносила копьё, но в последний миг отводила удар. Потому что не могла. Потому что любила.

Лейла просыпалась от этих снов с криком, сжимая простыню, с мокрым лицом и с вопросом, на который не было ответа: кого она любила? И почему после этих кошмаров комната пахла жасмином?

Она отвернулась от зеркала.

- Хватит, - сказала себе. - У тебя сегодня много работы. Ты нужна им.

Сегодня она спасла жизнь троим детям.

Разрушение случилось в семь утра, когда все еще спали. Секция G-14, жилой блок в основании пирамиды Хефрена, обрушилась из-за старой трещины в фундаменте. Корпорация «Сталь Аноубиса», которой принадлежала пирамида, отказалась посылать спасателей - «нерентабельно». Родители сами пробивались сквозь завалы.

Лейла была там через пятнадцать минут.

Она не помнила, как разбирала с другими людьми бетонные плиты весом в полтонны. Не помнила, как порезала себе руки об арматуру. Помнила только лица. Мальчик семи лет был зажат между стеной и упавшей балкой – личико бледное, но самое главное, что он был жив. Девочка, лет пяти, под грудой щебня - она кричала так, что у Лейлы закладывало уши. Ещё один мальчик, около десяти лет, без сознания, белый как мел, она еле уловила его дыхание.

Она сделала всё, что смогла и даже больше. Прямо там, среди руин, наложила шины, остановила кровь, вправила вывихи. Последнего мальчишку пришлось везти в клинику – ему срочно нужно было сделать операцию.

Операция длилась три часа. Руки дрожали, но резали точно. Лейла так и не закончила медицинскую академию – лучшую студентку курса вышвырнули на улицу, как только она не смогла оплатить последний семестр – и она доучивалась здесь, на улице, в трущобах. Горькая практика, которая сделала ее лучшей из лучших.

Когда она накладывала последний шов, мир поплыл перед ее глазами.

- Все, больше не могу, подмените меня, - прошептала она, буквально падая от усталости.

– Все живы. Все.

А потом провалилась в темноту.

Храм с черным куполом. Пол из обсидиана, скользкий от крови.

Она склонилась над тем умирающим мужчиной.

- Скажи мне, почему? – прохрипел он ей в лицо.

Она знала ответ, но могла произнести его вслух.

- Потому что ты недостойн милосердия, - солгали ее губы, а сердце разрывалось от боли.

Она занесла копьё для удара и проснулась.

- Очнулась? – произнес чей-то взволнованный голос. - Лейла! Вы меня слышите?

Она открыла глаза. Над ней склонилось лицо матери того десятилетнего мальчика, которую она оперировала час назад.

- Слышу, - хрипло ответила Лейла. – Как дети?

- Все трое спят. Вы их спасли. Но вы... вы долго не приходили в себя, мы так испугались...

Лейла села. Голова закружилась, и мир поплыл, как дешёвая голограмма. Она посмотрела на руки – они были замотаны бинтами, сквозь которые проступало красное. Под бинтами кожа была серой, и ей это очень не понравилось.

- Мне нужно к пациентам, - сказала она. – Помогите мне встать.

- Вы не в том состоянии, чтобы...

- Я сказала, помогите мне!

Её голос не терпел возражений. Женщина помогла ей подняться, подала чашку кофе с сахаром – все знали слабость Лейлы к этому жуткому напитку.

Лейла сидела на старой табуретке, пила кофе по глоточкам смотрела в окно на центральные пирамиды - сияющие, огромные, равнодушные. Боги давно ушли, но их тень всё ещё падала на этот мир. Корпорации правили звёздами, люди умирали под завалами, а она, лучший хирург этого проклятого города, лечила детей за еду и ночевала в гробнице.

Какая горькая ирония.

ГЛАВА 4

Детская палата встретила Лейлу запахом трав и тишиной. Малыши сладко спали, вымытые и накормленные больничной похлебкой. Ее коллеги, такие же нелегалы, как и она, занимались своей каждодневной работой, и она поняла, что может еще немного отдохнуть.

Лейла прошла в душевой отсек, подошла к раковине и содрала грязные бинты. Кожа под ними была воспалена, и цвет кожи не понравился ей еще больше.

Она плеснула в лицо холодной воды, потёрла щёки, чтобы прийти в себя. Зеркало снова показало ей женщину с серебристыми глазами - но теперь в них что-то изменилось. Появилась какая-то глубина.

Она вернулась в спальню, упала на матрас и закрыла глаза. Мысли метались, как пчёлы в банке. Рука ее внезапно нащупала что-то под подушкой. Она вытащила странную золотую фигурку, которая внезапно вспыхнула, и обожгла ей руку.

Лейла открыла глаза: комната была залита тусклым светом неона, пробивающимся через щели в шторах. На подушке, у самого её лица, лежал золотой скарабей - размером с ладонь, с выгравированными иероглифами, которые светились голубым.

- Что за... - она потянулась к нему, и в этот момент из жука вырвалась голограмма и в голове ее словно вспыхнула сверхновая, закружились воспоминания, которых у нее просто не могло быть.

Перед ней появилось изображение женщины в струящемся золотом платье, с рогами на голове, меж которых сиял солнечный диск. Её теплые, медовые глаза без зрачков, смотрели в пустое пространство. Хатор. Богиня любви, красоты, танцев и вина. Та, кого сама Нейт когда-то называла своей единственной подругой.

Но сердце почему-то кольнуло, будто ледяной иглой.

- Нейт, - голос Хатор зазвучал внутри головы - мягкий, как бархат, тёплый, как летний ветер, такой же, каким она помнила его три тысячи лет назад. - Ты меня вспомнила.

- Хатор? - Лейла сжала край матраса, не веря своим глазам. - Ты? Не Тот?

- А ты ждала его? - Богиня улыбнулась, и в уголках её глаз собрались лучики тепла. - Тот приговорил вас к вечному небытию. Он не даёт вторых шансов. Но я... - она наклонила голову, и золотые серьги-подвески качнулись, звеня, как колокольчики, - я решила иначе.

- Зачем? - Лейла чувствовала, как горло сдавливает спазм. - Ты идёшь против воли Тота. Зачем тебе это?

- Потому что я - любовь, Нейт. А любовь всегда идёт против правил. - Хатор шагнула вперёд, и её голографическое тело замерцало, становясь почти осязаемым. - Вы любили друг друга. Я вижу это - каждую ночь, когда ты просыпаешься с его именем на губах, и тут же забываешь об этом. Каждую минуту, когда лечишь других людей, потому что не можешь вылечить свою собственную боль.

- Мой сын... - Лейла всхлипнула. - Как он?

- Тот спрятал его там, где ты не найдёшь. - Глаза Хатор вспыхнули золотом. - И если вы оба выживете - если любовь победит проклятие - я верну его тебе. Клянусь этим солнечным диском.

Лейла замерла. Клятва солнечным диском - самая страшная для Хатор. Нарушив её, богиня потеряет свою силу навсегда.

- Почему ты так рискуешь? - прошептала Лейла.

- Потому что я устала смотреть, как боги убивают любовь. Тот, Ра, Анубис - они боятся чувств. Боятся, что любовь сделает их уязвимыми. А я... - Хатор прижала руку к груди, и золотое свечение разлилось по её платью, - я хочу доказать, что любовь - это единственное, ради чего стоит жить.

Она замолчала, и голографические звёзды закружились вокруг неё, складываясь в символы - сердец, лотосов, двух переплетённых имён: Нейт и Сет.

- Вот условие, - продолжила Хатор, и её голос стал серьёзнее. - У тебя есть сорок дней. Найди Сета. Заставь его полюбить тебя.

- Заставить полюбить? - переспросила Лейла. - Как будто бы его можно заставить...

- Я хочу, чтобы ты дала ему шанс. - Хатор наклонила голову, и её рога сверкнули в неоновом свете. - Механика проста, Нейт. Если Сет скажет «я люблю» первым - вы оба станете бессмертными. Вернёте троны, память, силу, могущество. Если ты скажешь первой - умрёшь ты. Если не скажет никто - умрёте вы оба.

Лейла молчала. Сердце ее бешено колотилось.

- Ваше время на исходе. Каждая клетка вашего тела будет распадаться по очереди. Ты поняла это, да? Твоя левая рука... Вы оба будете чувствовать все - до последнего вздоха. - Хатор вздохнула, и ее сияние померкло. - Я не могу снять проклятие Тота. Я могу только дать вам шанс. Используйте его.

- Это невозможно...

- Я вижу, ты боишься. - Хатор улыбнулась, но в улыбке ее была печаль. - Боишься, что он не полюбит тебя в ответ. - Она коснулась щеки Лейлы - прикосновение было невесомым, как сон. - Но страх отказа - не повод отказываться от любви. Страх - это плата за неё.

Голограмма начала гаснуть. Золотой свет Хатор мерцал, растворяясь в воздухе.

Скарабей упал на подушку куском холодного, мертвого металла.

Лейла сидела, глядя в стену. Мысли путались. Сет. Её враг. Её любовник. Отец её сына. Тот, кого она бросила умирать в храме, спасая ему жизнь.

Она ненавидела его? Или всё ещё любила?

Ответ пришёл сам собой - горячей волной под ложечку, сладкой болью в груди. Она помнила его руки, его поцелуи, его шёпот в темноте: «Ты - моя тишина, Нейт, моя тихая гавань посреди дикой бури».

Она любила его до сих пор. И это было самым страшным.

Губы пересохли, бесполезные слезы текли по щекам, и она их даже не вытирала.

- Ненавижу, - прошептала она. - Я ненавижу тебя, Сет. За то, что заставил меня полюбить. За то, что теперь я должна пройти через это снова.

Она сжала подушку и уткнулась в неё лицом, чтобы не слышать собственных рыданий.

- Нет, - вдруг сказала она, поднимая голову. - К чёрту совесть. Мне нужны мое бессмертие и мой сын.

Её глаза сузились, зрачки вытянулись в вертикальные щели - как у кошки.

- Пусть умрёт, если такова плата, - повторила она, и в голосе появилась сталь. - Я не буду спасать того, кто предал меня первым. Он всегда выбирал войну, а не меня. Он заслужил смерть.

Она верила в эту ложь.

Почти.

Лейла застегнула халат, поправила волосы и вышла в приёмную.

В дверь постучали.

- Войдите, - сказала Лейла, и её голос был спокоен, как поверхность мёртвого озера.

Дорогие читатели!

Приветствую вас на странице литмоба “Египетская сила”

Вас ждут 18 горячих романов!

КНИГИ МОБА:

“Пленница звездного трона”

<https://litnet.com/shrt/kqcz>

“Кровь сияющих пирамид”

<https://litnet.com/shrt/WILz>

“Это сказал фараон”

<https://litnet.com/shrt/7Yu6>

“Сладкий вкус страсти”

<https://litnet.com/shrt/Wacf>

“Пленница Анубиса: Взломать сердце бога”

<https://litnet.com/shrt/zKB->

“Под властью бессмертного”

<https://litnet.com/shrt/dsLc>

“Пробуждение. Зов пустыни”

<https://litnet.com/shrt/C15n>

“Тот кто внутри”

<https://litnet.com/shrt/Rx57>

“Наследие забытых богов”

<https://litnet.com/shrt/Czud>

“Лотос гепарда”

<https://litnet.com/shrt/N1vr>

“За гранью страсти. Я тебе ее не отдам”

<https://litnet.com/shrt/VwWa>

“Владычица полей Иалу”

<https://litnet.com/shrt/NIpN>

“Оракул Анубиса. Или монстр моей души”

<https://litnet.com/shrt/hxtD>

Приятного чтения!

ГЛАВА 5

Дверь открылась с протяжным скрипом, и в приёмную шагнул мужчина.

Лейла ожидала увидеть кого угодно - мать с больным ребёнком, контрабандиста с огнестрелом, старика с гниющей печенью. Но не этого.

Он был высоким - под два метра, с широкими плечами, которые едва вписывались в дверной проём. Даже через грязную, промасленную рубашку угадывалась мускулатура - не качка на синте-стероидах, а тяжёлая, природная сила. Тёмные волосы падали на лоб длинными прядями, лицо заросло щетиной, под глазами залегли глубокие тени, как будто он не спал несколько суток.

Больше всего поражали его глаза - бездонные, угольно-черные, исчерченные тонкой паутинкой лопнувших сосудов. Но даже сквозь пелену смертельной усталости в них пульсировала живая, яркая искра - дерзкий вызов, совершенно немыслимый для того, кто был выброшен на самое дно трущоб.

- Вы врач? - спросил он хрипло.

- Заходите, - Лейла кивнула на кушетку. - Что случилось?

Он вошёл, прихрамывая на правую ногу. Лейла отметила про себя - дешёвый протез, давно требующий замены.

Но дело было не в протезе.

Он принёс с собой запах. Тяжёлый, едкий - гниющая плоть, смешанная с потом и дешёвым синте-пойлом. Лейла знала этот запах. Смерть уже запустила в него свои когти.

Так же, как и в нее.

- Нога, - сказал он, тяжело опускаясь на кушетку. - Рана не заживает, а становится только хуже.

- Покажите.

Он задрал штанину, и Лейла едва сдержала гримасу.

Поражение расползлось от колена до середины бедра - чёрное, гниющее, с красными прожилками, уходящими вверх, к паху. Кожа вокруг как будто обуглилась, края раны превратились в рыхлую, мокрую массу, из которой сочилась сукровица с кислым, тошнотворным запахом.

- Чёрт, - выдохнула она. - Как вы это умудрились?

- Упал с лестницы, поранился. - Он пожал плечами, будто речь шла о царапине.

- Как давно?

- Две недели назад...

- Такие раны заживают гораздо быстрее. - Лейла подняла на него глаза. - У вас есть что мне рассказать?

Он молчал. Смотрел на неё в упор, и в его взгляде мелькнуло что-то - узнавание? Нет, не может быть. Они не были знакомы. Она бы запомнила такого.

- Мне нечего вам сказать... Фади сказал, вы лучшая, - наконец произнёс он. - Сможете это вылечить?

- Посмотрим. Раздевайтесь и ложитесь.

Он стянул с себя одежду, и Лейла снова поймала себя на мысли, что тело у него слишком породистое для механика из трущоб. Широкие лопатки, узкие бедра, рельефные мышцы, покрытые сетью старых шрамов. В груди ее что-то кольнуло...

Он лёг на кушетку, и Лейла приступила к осмотру. Пальцы скользили по чёрной, мёртвой коже, продавливая гнилостную плоть. Пациент не издал ни звука - только сжал челюсти так, что желваки ходуном заходили.

- Больно? - спросила она.

- Терпимо.

Она знала, что он врёт. Такая рана должна была сводить с ума. Но он лежал неподвижно, как статуя, и только капельки пота на лбу выдавали его страдания.

- Мне нужно иссечь мёртвую ткань, - сказала Лейла. - Затем – попробую наложить синтетический стазис. Чипы у вас есть?

Он сунул руку в карман, достал антистатический пенал.

- Фади передал. Сказал, что это в оплату его долгов.

- Фади - старый проходимец, - усмехнулась Лейла, принимая чипы. - Но ему можно верить.

Она развернула стерилизатор и включила лампу. Свет упал на лицо пациента, и она впервые разглядела его как следует. Острые скулы, прямой нос, мощная линия челюсти, которую не скрывала даже щетина. Красивый. По-звериному, опасно красивый.

Он поймал ее взгляд. На секунду ей показалось, что он тоже что-то почувствовал.

- Что-то не так?

- Всё так. - Лейла отвернулась к инструментам. – Внимание, делаю заморозку.

Она ввела анестетик в бедро, подождала минуту, пока препарат подействует. Затем взяла лазерный скальпель и приступила к работе.

Лейла работала быстро, аккуратно, вырезая чёрные куски ткани слой за слоем. Кровь почти не шла - сосуды в мёртвой зоне давно свернулись. Только когда она добралась до живой границы, выступила алая, здоровая кровь.

Пациент дышал ровно, но она чувствовала, как напряжены его мышцы. Он контролировал себя - невероятно, но факт.

- Вы военный? Такой пси-контроль... - спросила она, не отрываясь от работы.

- Я обычный механик.

- Обычные механики не умеют так переносить боль.

- У меня просто нервные окончания сдохли. - Он снова усмехнулся.

- Врёте.

- Много вы обо мне знаете.

Она замолчала. Действительно, она не знала о нем ничего. Но почему-то ей казалось, что она должна его знать. Что-то в линии его скул, в развороте плеч, в том, как он сжимал кулаки, когда ей приходилось резать глубже казалось ей знакомым.

Глупости. Она просто устала.

Лейла закончила операцию и быстро обработала рану антисептиком. Теперь - чипы. Вставила их в программатор, ввела параметры: стазис на три дня, регенерация минимальная, антибиотики внутривенно.

- Это остановит гниение, - объяснила она, прикладывая чипы к ране. - Но не вылечит. Причина не в инфекции.

- А в чём?

- Думаю, вы это знаете лучше меня... - Лейла подняла на него глаза. – На вас божественное проклятие. Я не знаю, чем вы занимались, но ваши ткани отказываются регенерировать. Это не биология. Это магия чистой воды.

- Магии не существует.

- Существует. - Она прижала чипы, активируя их. Синте-гель выступил из аппликаторов, запечатывая рану прозрачной плёнкой. - Я только что применила программу, которой научилась у жриц Хатор. Она работает на принципах, которые ваши механики не смогут объяснить.

- И что мне делать? - Он сел на кушетке, свесил ноги. - Сдохнуть?

- Не думала, что когда-либо это скажу, но вам нужно в храм. - Лейла убрала инструменты и выключила лампу.

- Можете дать мне сопровождающего? - спросил он. – Один я не доберусь.

Лейла хотела отказаться. У неё были пациенты, дела, ночной обход. Но слова застряли в горле, потому что, когда она посмотрела на него, сердце пропустило удар.

- Я сама отвезу вас, - услышала она свой голос. - Но не бесплатно.

- Я заплачу.

- Мне не нужны ваши деньги, да у вас их и нет, как я посмотрю... Но... Фади сказал, вы хороший механик.

Он кивнул и попробовал встать. Протез скрежетнул, и Лейла заметила, как он поморщился.

- Вам нужен новый протез, - сказала она. - Этот скоро развалится.

Он натянул рубашку, запахнулся, явно игнорируя ее слова. - Когда выходим?

- Через час. Мне нужно подготовиться.

Он направился к выходу, но у двери остановился, будто вспомнив что-то важное.

- Спасибо, - сказал он. - С вами так спокойно... Как в тихой гавани посреди бури...

Лейла замерла.

Эти слова. Она слышала их раньше.

- Это моя работа.

Он ушел, а Лейла осталась стоять посреди приемной, потрясенно глядя на закрытую дверь.

- Это не он, - сказала она себе. - Боги же не бывают такими?

Но сердце стучало: «Он. Это он. Ты нашла его. Ты нашла его через три тысячи лет».

Лейла опустилась на табурет, сжимая голову руками.

- Что я наделала, - прошептала она. - Что я наделала?

ГЛАВА 6

Электромобиль Лейлы оказался старой развалюхой с обшарпанным кузовом, дребезжащими дверьми и запахом дешёвых освежителей. Но колёса крутились, аккумулятор держал заряд, а в бардачке нашлись две банки синте-кофе и упаковка галет.

- Ты уверена, что он не развалится по дороге? - спросил Ашраф, с трудом втискивая своё крупное тело на пассажирское сиденье.

- Если развалится - починишь, - Лейла заняла место за рулём, проверила зеркала. - Ты же механик.

- Я чиню современные механизмы, а не эти антикварные гробы.

Лейла хмыкнула, запустила управление, и электромобиль с пробуксовкой вылетел из переулка, вклиниваясь в поток ночного трафика. Новые Фивы за окном замелькали огнями - неоновые вывески, голографические пирамиды, вереницы летающих дронов.

Они не знали, что за ними уже следят. Шакалы Анубиса взяли след.

Ашраф смотрел в окно, но видел не город. В отражении стекол он рассматривал её профиль - острый нос, сжатые губы, упрямый подбородок. И родинку на шее. Ту самую. Звезду, мерцающую в неоновом свете.

Он уже видел эту звезду. Во сне, в том видении. В каждой чёртовой ночи последних двух недель.

- У тебя на ключице родинка в виде звезды, - сказал он, не поворачивая головы.

- И что? - Лейла бросила быстрый взгляд в его сторону.

- Мне кажется, я ее уже видел

- Тебе кажется.

- Не верю.

- Твоё право.

Она замолчала, вцепившись в руль. Костяшки пальцев побелели. Ашраф заметил - и усмехнулся.

- Ты волнуешься.

- Не волнуюсь.

- Твои зрачки. - Он кивнул на зеркало заднего вида. - Они сужаются, как у кошки, когда ты на взводе. И вот сейчас опять.

Лейла посмотрела в зеркало.

- Это всего лишь генетический дефект, - сказала она.

- Врёшь.

- Не твоё дело.

- Моё, если мы едем вместе.

Она резко свернула на пустынный перекрёсток и выжала тормоз. Электромобиль замер посреди дороги, и тишина стала оглушающей - только треск моторчика где-то под капотом.

- Слушай сюда, механик, - Лейла повернулась к нему, и зрачки её заняли почти всю радужку, уже от гнева. - Я согласилась тебе помочь, потому что ты пришел от Фади... Знаешь, кем я тебя считаю?

- Просвети меня...

- Большой гребаной проблемой, которая свалилась на мою голову.

Ашраф смотрел на неё в упор. На её горящие глаза, на вздымающуюся грудь, на родинку-звезду, которая пульсировала в такт её сердцу.

- Ты та самая стерва с копьём, - сказал он тихо. - Я узнал тебя.

Лейла замерла.

- Что ты сказал?

- Ты все прекрасно расслышала. - Он подался вперёд, сокращая расстояние. – И не слишком-то удивилась... Значит, тоже видела чертовы сны... Это была ты!

- Ты бредишь.

- Может быть. Но я помню твой запах. Я не знаю, откуда он взялся, но... - Он коснулся её щеки и пальцы его дрогнули. - Он привёл меня к тебе.

Лейла отшатнулась, прижалась спиной к двери.

- Не прикасайся.

- Боишься?

- Ненавижу.

- Врёшь.

Она замахнулась, чтобы ударить, но он перехватил её запястье. Легко, почти нежно.

- Не надо, - сказал он. - Я тебе не враг.

- А кто? - выдохнула она.

- Не знаю. - Он отпустил её руку. - Но хочу узнать.

Повисла тяжелая тишина. Электромобиль дребезжал, где-то за окном были сирены, но внутри этого маленького пространства существовал только он и она.

- Я не верю во всякую ерунду, - сказала Лейла.

- Я тоже. Но скарабей, проклятие, этот чёртов храм... - Он развёл руками. - Это не случайность.

Она посмотрела на него долгим взглядом. В её серебристых глазах метались тени - страх, гнев, надежда. Отчаяние.

- Так ты и правда тот псих, который проигрывал мне три тысяч лет? - спросила она тихо. Ашраф усмехнулся.

- Проигрывал? Я позволял тебе выигрывать, чтобы ты не плакала.

- Нахал.

- Как скажешь. - Он наклонил голову. - Так что? Мы партнёры?

- Временные.

- Вот и отлично.

Она снова завела мотор. Электромобиль взревел и вклинился в ночной поток. Пирамиды проплывали за окном, как тени прошлого.

- Лейла, - позвал Ашраф.

- Что?

- Ответь мне одно, - сказал он. - Ты была счастлива тогда со мной? В прошлой жизни?

Лейла вцепилась в руль.

- Была, - сказала она еле слышно.

- А теперь?

- Заткнись.

Он замолчал и улыбнулся - первый раз за много дней. Внутри разлилось тепло, которого он не чувствовал уже очень-очень давно.

Внезапно аккумулятор электромобиля начал сдавать. Красная лампочка на панели мигала тревожно, и Лейла опустилась на землю, к руинам старой заправочной станции.

- Три часа до рассвета, - сказала она, заглушив мотор. - Подзарядимся от солнечных панелей.

- На этой развалине? - Ашраф кивнул на облезлые батареи, торчащие из стен станции.

- Они ещё работают?

- Не нравится - иди пешком.

Она вылезла из машины, хлопнув дверью. Ашраф последовал за ней - хромая, опираясь на монтировку.

Пустыня дышала жаром. Здесь даже ночью воздух оставался тяжёлым, насыщенным песком и горелой электроникой.

Лейла подошла к панелям, проверила разъёмы. Работала быстро, уверенно - как будто делала это сотни раз.

- Ты часто здесь бываешь? - спросил Ашраф, прислонившись к капоту.

- Когда нужно скрыться.

- От кого?

- От себя.

Он усмехнулся.

- Да ты философ.

- Не умничай.

Она воткнула кабель в электромобиль, и на панели загорелся желтый огонёк - заряд пошёл.

- Примерно полчаса, - сказала она. - Потом едем дальше.

- Полчаса так полчаса. - Ашраф сел на капот, вытянув больную ногу. - Расскажи мне о нём.

- О ком?

- О нашем сыне.

Лейла замерла. Спина напряглась, плечи поднялись – сработала защитная реакция, которую она не могла контролировать.

- Откуда ты...

- В видении. Тот сказал. Или Хатор. Я плохо помню. - Он посмотрел на неё. - У нас есть сын, Лейла. Я хочу знать о нём.

Она молчала так долго, что Ашраф решил - не ответит. Но потом она села рядом, на капот электромобиля, и заговорила.

- Его зовут Себек. Ему пять тысяч лет, но для бессмертного он - ребёнок. Он красивый, умный и дерзкий. - Она улыбнулась, но улыбка была горькой. - На тебя очень похож. Та же линия челюсти и глаза.

- И где он сейчас?

- Не знаю. Тот спрятал его. Сказал, что вернёт, только если я искуплю вину.

- Какую вину?

- Милосердие к недостойному. - Она подняла на него глаза. - То есть к тебе.

Он хотел огрызнуться, сказать что-то колкое, едкое. Но посмотрел в её глаза - и слова застряли в гортани.

- Ты поэтому согласилась меня сопровождать? - спросил он. - Чтобы вернуть сына?

- А ты как думал?

- Думал, может, я тебе все же нравлюсь.

- Не смей меня.

Она отвернулась, но он заметил, как дрогнули её губы. И как зарделись щёки.

- Врёшь, - сказал он.

- Оставь.

- Не оставляю. - Он наклонился, заглядывая ей в лицо. - Ты краснеешь, когда я рядом. И дыхание сбивается. Я это вижу, Лейла.

- Это гнев.

- Это желание.

- Ашраф...

- Я прав. - Он коснулся её подбородка, поднял голову. - Ты хочешь меня. Так же, как я хочу тебя. И чертово проклятие здесь абсолютно ни при чём.

В темноте, в ста метрах от них мелькнули красные огоньки глаз. Шакалы замерли, ожидая сигнала.

ГЛАВА 7

Лейла смотрела на него - и не могла отвести взгляд. Внутри нее всё горело.

Она знала, что это ошибка. Она знала, что должна остановить его.

Но не остановила.

Он наклонился и жадно поцеловал ее. Его руки скользнули под её куртку, обожгли спину, прижали к капоту. Металл под её лопатками был холодным, а его тело - горячим, и от этого контраста у неё потемнело в глазах.

Он приподнял её, и на секунду мир перестал существовать. Только жар его ладоней, только прерывистый ритм их общего дыхания, только то, как она непроизвольно подалась ему навстречу - вся, без остатка. А когда он снова накрыл её губы своими, ей показалось, что сейчас они оба сгорят. И это было именно то, чего она хотела сейчас больше всего на свете.

- Остановись, - прошептала она, но губы его уже блуждали по её шее, спускаясь к ключице, к той самой звезде.

- Не могу.

- Ашраф...

Он поднял голову. Глаза его горели золотом.

- Скажи «нет», - хрипло произнёс он. - Скажи - и я уйду.

Лейла смотрела на него. На его искусанные губы, на вздымающуюся грудь, на руки, которые дрожали от напряжения.

- Нет, - прошептала она.

Он замер. И тогда она поцеловала его сама, вкладывая в этот поцелуй всё, что не могла сказать словами.

Зелёный огонёк на панели мигнул - зарядка закончилась. К заправке подлетел еще один электромобиль и посигналил им, прося освободить зарядник.

Они отстранились друг от друга, тяжело дыша. Лейла поправила куртку, Ашраф провёл рукой по волосам и отвернулся.

Она смотрела на его широкие плечи, на то, как напряжена спина, на шрамы, которые она заметила ещё в клинике.

- Ашраф, - позвала она.

Он обернулся, в глазах мелькнуло удивление.

- Я не знаю, кто ты. - Она подошла к нему. - Но я хочу узнать, правда... Не бога войны из снов, и не механика из трущоб... А настоящего тебя.

Он сжал её пальцы, и по телу пробежала молния, от которой пересохло во рту.

- Может, задержимся?

- Нельзя. Храм ждёт.

Ашраф усмехнулся, покачал головой.

- Ты жестокая женщина, Лейла.

Им опять посигналили.

- Едем. - Она села за руль и завела мотор. Ашраф пристегнулся, электромобиль взревел и понёсся вперёд, в темноту и неизвестность.

Лейла смотрела на дорогу и чувствовала его взгляд на своей щеке.

«Мы справимся, - подумала она. - Или умрём. Но вместе...»

Ашраф смотрел на её профиль и улыбался.

«Она будет моей. И плевать на проклятие...»

Никто из них не заметил, как тени в пустыне пришли в движение.

Пустошь встретила их ветром - сухим, колючим, насыщенным песком и гарью. Дорога уходила вперёд, петляя между руинами древних храмов и остовов сгоревших электромобилей. Звёзды над головой мерцали холодно, равнодушно, как глаза мертвецов.

Лейла вела машину, вцепившись в руль. Ашраф сидел рядом, смотрел в боковое зеркало и чувствовал - что-то не так.

- За нами идут, - сказал он.

- Кто?

- Не знаю. Но я чувствую.

Он действительно чувствовал - спиной, затылком, каждой клеткой своего смертного тела.

Преследование. Хищников. Смерть, которая дышала в затылок.

- Ты параноик, - бросила Лейла.

- Проверь зеркала.

Она глянула в заднее - и побледнела.

Там, в трёхстах метрах, по пустыне неслись силуэты. Быстрые, низкие, с горящими красными глазами. Их было четверо. Или пятеро. В темноте не разобрать.

- Кибер-шакалы, - выдохнула Лейла. - Откуда они...

- Не важно. - Ашраф обернулся, вглядываясь в темноту. - Уходим.

Она выжала педаль, но электромобиль и так летел на пределе. Дряхлый аккумулятор не мог выжать больше сотни километров в час, а шакалы Анубиса приближались - быстро, неумолимо, как сама смерть.

- Чтоб над вами осел надругался, - сквозь зубы процедила Лейла.

В ту же секунду первый шакал прыгнул.

Он врезался в заднее стекло, разбил его вдребезги, вцепился лазерными когтями в обшивку. Ашраф успел перехватить монтировку и с размаху всадил её в морду твари. Черная кровь, точнее, машинное масло брызнуло на сиденья.

Шакал взвизгнул, разжал челюсти, откатился назад.

- Тормози! - крикнул Ашраф.

Лейла ударила по тормозам. Электромобиль занесло, мотор заглох. Они вылетели из машины - каждый в свою сторону, инстинктивно заняв боевые стойки.

Шакалов было четверо.

Они окружили их, клацая металлическими челюстями. Их глаза горели алым, из пасти капала слюна, смешанная с машинным маслом. Лазерные когти светились синим, оставляя в воздухе светящиеся следы.

- Ты когда-нибудь дрался с такими? - спросила Лейла, сжимая лазерный скальпель.

- В этой жизни - точно нет. - Ашраф перехватил монтировку поудобнее.

Первый шакал прыгнул.

Ашраф даже не успел испугаться.

Тело двигалось быстрее разума - уходило в сторону, уворачивалось от когтей, наносило удары туда, где тварь была уязвима. Монтировка врезалась в металлический бок - раз, другой, третий. Шакал взвизгнул, откатился, но не сдох.

Второй прыгнул со спины.

- Пригнись! - крикнула Лейла.

Ашраф упал на землю, и над его головой пронёсся синий луч - лазерный скальпель разрезал шакала пополам. Тварь рухнула, заливая песок чёрной кровью.

- Хороший удар, - бросил он, поднимаясь.

- Не отвлекайся!

Третий и четвёртый атаковали одновременно.

Ашраф встретил одного монтировкой - всадил её в глазницу по самую рукоять. Второй успел полоснуть его по руке лазерными когтями - боль обожгла, но он даже не охнул. Вместо этого схватил тварь за горло и дернул провода.

Пальцы вминались в металл, сминали проводку, вырывали чипы. Шакал хрипел, бился, но Ашраф не отпускал - до тех пор, пока голова не отделилась от тела.

Он отшвырнул её и поднялся.

Дыхание сбилось, руки тряслись - не от нервного тика, от ярости, которая поднималась изнутри.

- Еще один, - хрипло сказал он. - Где еще один?

Первый шакал, который был поврежден еще в самом начале боя, оказался умнее остальных. Он не лез в драку - вместо этого зашёл с фланга, пригнулся, приготовился к прыжку прямо на Лейлу.

Она бы не успела уклониться.

Ашраф увидел это за секунду до прыжка. Увидел - и мир для него остановился.

Он прыгнул - и в тот же миг Ашраф оказался между ними. Монтировка ушла в сторону, он встретил тварь голыми руками - схватил за челюсти, раздирая ладони об острые края, и начал сжимать.

С хрустом, с треском и визгом металла.

Шакал бился, когти рвали его предплечья, но Ашраф не чувствовал боли. Только ярость и древний, животный гнев, который требовал крови.

Голова твари лопнула, как перезревший плод. Осколки чипов и капли масла брызнули в лицо.

Ашраф разжал руки, и тело шакала упало на песок.

Он стоял над ним, тяжело дыша, сжимая и разжимая кулаки. Кровь - его собственная, текла по пальцам, капая на землю.

- Ты опасен, - сказала Лейла.

Её голос был странным - не испуганным, не восхищённым. Скорее... озадаченным.

Она смотрела на него и видела не механика из трущоб. Она видела бога войны.

Ашраф поднял голову. Ярость битвы оставила его, боль пронзила все тело и он отключился.

ГЛАВА 8

Ашраф очнулся на пассажирском сиденье электромобиля, и от резкого движения заныло всё тело. Мышцы горели после недавней схватки с шакалами, но боль отступила на второй план, потому что в голову пришла мысль – холодная и ясная, как лезвие.

Скарабей.

Они всё это время думали, что золотые жуки – это артефакты силы, ключи к проклятию, подсказки от богов. Но никто не спросил себя: а что, если это маяки? Что, если по их сигналу шакалы и нашли их в пустыне?

Механик понял это слишком поздно. Но не настолько, чтобы ничего не исправить.

Его пальцы лихорадочно зашарили по карманам, нащупали золотую фигурку – та пульсировала живым теплом. Ашраф перегнулся на заднее сиденье, вытряхнул содержимое своего рюкзака.

- Ты чего возишься? – пробормотала Лейла, не отрывая глаз от панели управления.

Он не ответил, аккуратно закрепляя обоих скарабеев на корпусе почтового дрона, которыми оснащались старые модели электромобилей. Запрограммировал маршрут: центральный городской рынок – и запустил.

Дрон взмыл вверх, мигнул синим огоньком и исчез в рассветном небе, унося с собой их следы.

- Теперь нас не найдут, – выдохнул Ашраф, откидываясь на спинку сиденья. – По крайней мере, сегодня.

Лейла оторвалась от приборов и посмотрела на него.

- Умно, – сказала она. – Для простого механика.

- Я не только руками работаю, – буркнул он. – Иногда и головой.

Она фыркнула, но в уголках её губ мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Ашраф хотел ответить, но в этот момент электромобиль чихнул, закашлял и умер окончательно.

Замигала лампочка аккумулятора – красная, тревожная, как сердцебиение. Лейла выжала педаль, но машина не реагировала – только фары погасли, погружая их в темноту пустыни.

- Всё, – сказала она, ударив ладонью по рулю. – Добили.

- Я посмотрю, – Ашраф, только недавно пришедший в себя, вылез из кабины и открыл капот.

Но едва он заглянул внутрь, как мир покачнулся. Ноги его стали ватными, голова закружилась и к горлу подкатила обжигающая тошнота.

Он упал на колени, хватаясь за бампер.

- Ашраф?! – Лейла выскочила следом, присела рядом. – Что с тобой?

- Откат... – прохрипел он. – Как после тяжёлой работы. Только в десять раз хуже.

Она поняла. Он использовал нечеловеческие ресурсы – ту древнюю силу, что проснулась в схватке. И теперь тело платило за это. Судороги, слабость, боль, разлитая по каждой клетке.

- Нужно убраться отсюда, – сказала она, оглядываясь. – Шакалы могли послать сигнал.

Лейла смотрела на его искажённое лицо и впервые за много лет почувствовала острый страх. Но не за себя. А за этого хромого механика, который убивал кибер-тварей голыми руками, который прикрыл её своим телом. Который теперь лежал в пыли, и его дыхание напоминало предсмертный хрип.

- Только попробуй умереть, – пробормотала она, подставляя ему плечо. – Я тебя тогда сама прикончу.

Она подхватила его, перекинула его руку через шею. Он был тяжёлым - мышцы, кости, металлические протезы - но она тащила, не останавливаясь, в сторону ближайших развалин какого-то храма.

Внутри пахло пылью, древностью и чем-то сладким - ладаном, который не выветрился за тысячи лет. Стены покрывали иероглифы, пол был выложен каменными плитами, в центре зала возвышалась статуя Сехмет - львиноголовой богини войны и исцеления.

Глаза статуи смотрели в пустоту. Казалось, она ждала.

- Чёрт, - выдохнула Лейла. - Мы в её храме.

- Чьём? - Ашраф приоткрыл глаза.

- Сехмет. Богини... неважно. - Она встала, огляделась. - Нужно придумать, как согреться. Здесь холодно.

Ветер гулял сквозь трещины в стенах, и даже внутри храма температура не поднималась выше нескольких градусов нуля.

Лейла нашла в боковой комнате циновку - старую, потрёпанную, но сухую. Постелила её в углу, под статуей и уложила туда Ашрафа.

Она вынула из электромобиля батареи отопления и аккумулятор и перенесла все к их импровизированному убежищу.

Затем открыла фляжку с водой и вылила немного к подножию статуи, прося заступничества Сехмет. Вода моментально впиталась - богиня взяла их под свою защиту.

Ашраф лежал на циновке, закрыв глаза и тяжело дыша. Откат не отпускал - каждый мускул горел, каждая кость ныла.

- Ты как? - спросила Лейла.

- Жить буду.

- Не похоже.

- Спасибо, что не бросила.

- Ты мне нужен, чтобы снять проклятие. - Она поёжилась. - Не благодари.

Помещение медленно прогревалось, но не настолько, чтобы стало тепло. Лейла дрожала - в тонкой куртке, без спальника, в неотапливаемом помещении. Зубы стучали, пальцы посинели.

- Иди сюда, - хрипло сказал Ашраф.

- Не надо.

- Не будь душой. - Он приподнялся на локте, и его глаза блеснули в свете огня. - Ты замёрзнешь.

Он рывком притянул её к себе, накрыл своим телом - тяжёлым, горячим, живым. Лейла ахнула, попыталась вырваться, но он держал крепко, прижимая к груди.

- Тихо, - прошептал он. - Я тебя просто согрею. Ни на что большее я сейчас не способен, даже не мечтай.

Она возмущенно выркнула.

Внезапно все ее существо затопила неконтролируемая волна нежности. Жар его кожи проникал сквозь ткань куртки, он пах кровью, гарью и чем-то ещё... Тем самым запахом из снов... Жасмин.

- Ты тяжёлый, - сказала она.

- Знаю.

Она прижалась щекой к его груди и услышала сердце. Гулкое, ровное, сильное.

- У тебя пульс зашкаливает, - прошептала она. - Ты волнуешься.

- Я всегда волнуюсь, когда рядом красивая женщина.

- Не ври.

- Не вру. - Его рука скользнула по её спине, замерла на талии. - Ты очень красивая, Лейла. Даже сейчас, когда ты холодная, злая и колючая.

- Я не колючая.

- Ещё какая.

Она хотела ответить, но слова застряли в горле. Потому что в этот момент Ашраф уткнулся носом в её волосы и глубоко вдохнул.

- Ты пахнешь корицей, - сказал он в темноту.

Лейла напряглась.

- Что?

- Корицей. И мёдом. И ещё чем-то... сладким. - Он выдохнул, и его дыхание обожгло её кожу. - Терпеть не могу корицу. С детства. Но твой запах... он сводит с ума.

- Ты бредишь.

- Может быть. - Он закрыл глаза. - Но даже в бреду я знаю: ты та самая. Та, которая не смогла меня убить.

- Заткнись, Ашраф.

- Заткнись, Ашраф, - передразнил он. - Больше сказать нечего.

Она подняла голову и посмотрела на него.

В полумраке храма его лицо казалось вырезанным из камня - острые скулы, твёрдая линия челюсти, шрам на щеке. И глаза. Чёрные, как космос, с вертикальными зрачками, которые смотрели на неё с такой жадностью, что у неё сжалось сердце.

- Ты боишься? - дрогнувшим голосом спросила она.

- Умирать? Нет.

- Не умирать. Любить.

Он промолчал.

Она чувствовала его дыхание на своей шее, его пальцы, которые невольно сжимали ткань её куртки. Слышала, как его сердце бешено колотится - уже не от боли, а желания. От того, что он не мог, не смел произнести вслух. И в этот момент, в его могучих объятьях, в полумраке древнего храма, Лейла поняла: она пропала. Она опять не сможет его убить. Не сможет смотреть, как он умирает. Даже если это будет стоить ей бессмертия и всего остального.

Они лежали в темноте, прижавшись друг к другу, слушая, как ветер гуляет по храму, как потрескивает огонь, как в унисон бьются их сердца. Впервые за долгое время они оба забылись спокойным, безмятежным сном.

А утром их нашли.

ГЛАВА 9

Ашраф проснулся от того, что кто-то лил ледяную воду на его голову.

Он резко открыл глаза, тело инстинктивно напряглось, готовое к драке.

- Живой, - раздался старческий, скрипучий голос. - Как жаль.

Над ним склонился морщинистый, лысый старик с кожей цвета старого пергамента. Его правый глаз светился кибер-имплантом, красная линза которого изучала Ашрафа с пугающей холодностью.

Ашраф отпрянул, откатился в сторону, вскочил на ноги. Лейла тоже вскочила и стояла рядом, с лазерным скальпелем в руке, готовая к бою.

- Вы кто? - рыкнул Ашраф.

- Те, кто принес вам смерть, - старик выпрямился, опираясь на посох, и его губы растянулись в беззубой улыбке. - Или вы думали, что Тот оставит вас в покое?

Лейла побледнела.

- Тот? Ты от Тота?

- Я - его верный слуга. Как и мой ученик. - Старик кивнул, и из тени статуи Сехмет вышел молодой парень - лет двадцати, с пустыми, мертвыми глазами и лазерным мечом в руке. - Мы искали вас.

- Западня, - прошипел Ашраф.

- Какая проникательность. - Старик щелкнул пальцами, и имплант в его глазу засветился еще ярче. - Впрочем, умрете вы быстро. Это лучшее, что я могу для вас сделать.

Парень шагнул вперед, занося меч. Лейла взмахнула скальпелем - синяя молния ударила в грудь ученика, но тот даже не дрогнул. Имплянты. Его тело было нашпиговано кибернетикой, превращавшей его в машину для убийств.

- Бежим! - крикнул Ашраф, хватая Лейлу за руку.

Они рванули к выходу из храма, но старик взмахнул посохом, и проход затянуло мерцающим силовым полем.

- Никуда вы не денетесь, - прошептал он. - Здесь ваш конец.

Ученик прыгнул. Ашраф встретил его монтировкой - удар пришелся в плечо, но парень даже не качнулся. Он схватил Ашрафа за горло и приподнял над землей, сжимая пальцы с нечеловеческой силой.

- Ашраф! - Лейла метнулась к старику, ударила его ногой в посох, выбила оружие. Старик охнул, упал, но силовое поле не исчезло. - Как его отключить?!

- Никак, - прохрипел старик, скалясь. - Вы умрете здесь оба. Тот будет доволен.

Вдруг воздух в храме задрожал. Ашраф, задыхаясь, рванулся из последних сил, и всадил монтировку в глазницу кибер-ученика. Искры, треск, визг сервомоторов - парень разжал пальцы, отшатнулся, но не упал. Механическая тварь не чувствовала боли.

- Не получится, - прошептал он. - Мы не умираем от железа.

- Значит, умрете от божественного света, - раздался голос со стороны пьедестала.

Статуя Сехмет ожила.

Львиноголовая богиня сошла с пьедестала - каменная, древняя, но полная такой ярости, что воздух вокруг загудел. Она взмахнула рукой, и кибер-ученик разлетелся на куски металла и пластика.

Старик закричал, попытался бежать, но статуя наступила на него каменной ступней - хруст костей, и крик оборвался.

Лейла и Ашраф смотрели на статую, затаив дыхание.

- Никто не смеет убивать в моем храме именем других богов. Тот ответит за наглость своих приспешников, - голос Сехмет гремел под сводами храма. - Хатор ждет вас. Ступайте за мной.

Каменная богиня шагнула к алтарю, коснулась его рукой, и стена позади разошлась, открывая проход - залитый золотым светом.

- Портал в храм Хатор, - сказала Сехмет. - Быстро. Они уже близко.

- Кто? - спросила Лейла.

- Скорпионы Менеса. И не только они. Тот натравил на вас всю округу, но в моем храме он бессилен. - Статуя обернулась, и ее каменные глаза блеснули живым огнем. - Идите. Здесь они не пройдут.

Ашраф кивнул, схватил Лейлу за руку, и они побежали к portalу. За спиной грохотало - статуя Сехмет крушила ворвавшихся в храм чудовищ.

Их одновременно втянуло в портал, и через секунду они выпали в огромном храмовом зале.

Золотой свет ослепил, обжёг, а потом погас.

Ашраф открыл глаза. Они стояли в большой светлой молельне - стены из белого мрамора, колонны, увитые живыми цветами, пол, выложенный лазуритом. В центре возвышалась статуя Хатор - женщины с коровьими рогами и солнечным диском между ними. Статуя улыбалась.

- Добро пожаловать в мой храм, - раздался мелодичный голос.

Из-за статуи вышла женщина. Золотое платье, струящееся по телу, медовые глаза без зрачков, коровьи рога, между которыми сиял солнечный диск.

Хатор.

- Неплохо устроилась, подруга, - усмехнулась Лейла.

- Любовь всегда хорошо продавалась, - Хатор улыбнулась и развела руками. - Вы прошли через ад, чтобы попасть сюда... Впрочем, я тоже многим рискнула ради двух влюбленных идиотов... Теперь вы в безопасности, насколько это вообще возможно.

- В безопасности? - Ашраф огляделся. - В храме богини, которая рискнула всем? Звучит не очень надёжно.

- А ты умнее, чем кажешься, - усмехнулась Хатор. - Но не бойся, Тот не сунется сюда. К тому же он разозлил саму Сехмет, она такое не прощает... Да и мой храм под защитой... Но это не значит, что у вас много времени.

- Расскажи, что можешь, - попросила Лейла.

- Тот наказал вас: вы стали смертными и забыли друг друга, а ваши божественные сущности - силу и бессмертие - он запер в двух обелисках. Один находится в его цифровой вселенной. Второй - в сердце вулкана Бенбен.

- И что нам нужно делать? - Лейла подалась вперед.

- Вы должны открыть оба обелиска. Только тогда вы вернете свою силу, память и бессмертие. - Хатор замолчала, и её медовые глаза потемнели. - Для этого вам предстоит пройти ритуал иерогамии.

- Иерогамии? - расхохотался Ашраф. - Конечно, чего еще ждать от основательницы храмовой проституции.

- Иерогамия - это ритуал священного брака. Соитие богов, которое рождает новые миры. - Хатор поднялась, и её голос стал глубже и торжественнее. - В древности, когда небо и земля были едины, боги соединялись, чтобы создать вселенную. Их страсть питала звёзды, их дыхание становилось временем. Ритуал иерогамии - это не просто плотское слияние, но символ победы жизни над смертью. Это встреча двух душ на грани уничтожения. Когда вы теряете себя в другом - и находите заново.

Лейла густо покраснела.

- Ты хочешь сказать, что мы должны... - Она не договорила.

- Я хочу сказать, что в момент наивысшего желания, когда ваши тела станут единым целым, а сознания сольются в экстазе - энергетический выброс откроет обелиск. - Хатор посмотрела на неё с мягкой усмешкой. - Только так.

- Это невозможно, - сказала Лейла глухо.

- Возможно, - мягко возразила Хатор. - Вы уже делали это тысячи раз. В прошлой жизни. Вы любили друг друга так сильно, что боги завидовали. И теперь вам всего лишь надо вспомнить это чувство.

- Плотское соитие – звучит отлично, мне начинает нравится это проклятие, - осклабился Ашраф.

Лейла вскинулась, и её ладонь впечаталась в его щеку. Ашраф даже не пошевелился - только улыбнулся еще шире.

- Больно, - притворно возмутился он.

- Хотелось бы верить, - отрезала Лейла.

Она замахнулась снова, но Хатор мягко перехватила её руку.

- Прекратите. Ваше время на исходе. Через тридцать восемь дней вы умрёте, если не активируете обелиски. Каждый день промедления - шаг в небытие.

Лейла вырвала руку и отвернулась. Ашраф потёр щеку, всё ещё улыбаясь.

- И куда нам идти сначала? - спросил он.

Хатор щёлкнула пальцами, и в центре зала проявился переливающийся золотом портал – Это кибер-мир Тота. Идите и помните: внутри все будут пытаться вас обмануть. Иллюзии, ловушки, ложные воспоминания. Не верьте никому, кроме себя.

Лейла подошла к portalу, заглянула внутрь.

- Твой обелиск там, - сказала Хатор - Его - в вулкане Бенбен. Если вы пройдёте оба испытания - вы станете свободны. Если нет...

- Мы умрём. - Ашраф кивнул. – Ты повторяешься, богиня.

Они подхватил на руки возмущенную Лейлу, и в тот же миг они растворились в пульсирующей воронке портала.

В пустом зале Хатор осталась одна. Она смотрела туда, где только что были двое смертных, и улыбка медленно сползала с её лица.

Золотой свет в её глазах погас. На секунду - всего на секунду - в них мелькнула тьма

ГЛАВА 10

Цифровая вселенная Тота оказалась совсем не тем, что они ожидали.

Вместо сияющих коридоров и голографических скрижалей - каменные стены, древние факелы, запах сырости и времени. Будто они не в сети богов, а в катакомбах, вырубленных сразу после рождения первых звёзд.

- Странно, - пробормотала Лейла, проводя пальцами по стене. - Очень странно.

- Что именно? - Ашраф шёл за ней, сжимая незаменимую монтировку.

- Тот - бог логики и порядка. Я знаю это очень хорошо. Его вселенная должна быть идеальной. Прямые линии, чёткие алгоритмы, никаких случайности. А здесь... - Она обвела рукой коридор. - Здесь всё неправильно. Как будто кто-то переписал код.

Они шли молча. Коридор петлял, сужался и снова расширялся. Стены покрывали иероглифы, которые светились в такт их шагам - красным, тревожным светом.

- Не нравится мне это, - сказал Ашраф.

- Что именно?

- Всё.

Они не знали, что цифровая вселенная уже чувствовала их. Каждый шаг отдавался пульсацией в ее программируемой плоти.

Незаметно для них этот мир начал меняться.

Сначала воздух затяжелел, как перед грозой. Потом стены дрогнули и двинулись на встречу друг другу с утробным скрежетом. Мелкая вибрация переросла в утробный, низкочастотный гул, от которого заныли зубы.

- Лейла! - крикнул Ашраф.

- Я вижу!

Они побежали. Но коридор сужался с каждой секундой.

Ашраф оглянулся. Сзади стены уже сомкнулись - пути назад не было. Впереди - узкий просвет, почти щель.

- Туда! - он толкнул Лейлу вперёд.

Она юркнула в лаз, извиваясь, как змея. Ашраф за ней - втиснулся плечами, заскрежетал протезом, застонал от боли, но полез.

- Не останавливайся! - крикнула Лейла из темноты.

Протез зацепился за выступ. Ашраф дёрнулся - никак. Ещё раз - нога заклинила.

- Чёрт!

- Ашраф!

Она схватила его за воротник и потянула на себя. Протез скрежетнул, хрустнул - и освободился. Они рухнули в глубь лаза, натывая друг на друга локтями, коленями, головами.

Стены сжимались с обеих сторон - медленно, но верно. Потолок был усеян иглами - тонкими, длинными, с голубоватым ядовитым отливом. Смерть подступала со всех сторон.

Ашраф и Лейла лежали лицом к лицу, прижатые камнем. Ни вдохнуть, ни выдохнуть - только чужое дыхание на губах. Жаркое, прерывистое, пахнущее корицей и жасмином.

- Это конец, - прошептала Лейла.

- Не конец, - ответил он. - Пока мы дышим - не конец.

- Мы не выберемся.

- Выберемся.

- Как?

Он молча смотрел на неё. На её серебристые глаза, расширенные от страха. На приоткрытые, влажные губы, такие близкие, что их можно было коснуться.

Стены сжались ещё на сантиметр. Иглы опустились ниже - ещё чуть-чуть, и вопьются в спину.

И в этот миг, на грани жизни и смерти, Ашраф понял: он не хочет умирать, не попробовав её ещё раз. Всего один раз. Последний.

- Если мы умрём, - сказал он тихо, - я хочу умереть с твоим вкусом на губах.

Лейла не успела ответить, как он жадно поцеловал её.

Его язык ворвался в её рот, его зубы впились в нижнюю губу, и она застонала - от боли, от страха и желания, которое не могла контролировать.

Она ответила.

Её тело выгнулось к нему на встречу - и в этот момент, в этом безумном, отчаянном движении, они оба забыли, где находятся.

Система Тота дала сбой.

Внезапно стены замерли.

Иглы остановились в сантиметре от них. А потом лаз открылся. Земля под ними провалилась, и они рухнули вниз, на холодный каменный пол.

Удар. Темнота. Тишина.

Ашраф открыл глаза. Он лежал на спине, прижимая к себе дрожащую Лейлу и смотрел в высокий, без единой трещины, потолок.

- Кажется, мы все еще живы, - сказал он.

- Да, - ответила она.

Он повернул голову. Она смотрела на него - и в её глазах был шок.

- Это не... - Она села, обхватила колени руками. - Это не должно было случиться.

- Но случилось.

- Я не хотела...

- Хотела.

Она посмотрела на него, и в её глазах зажегся гнев.

- Не говори мне, чего я хочу!

- Ну так скажи это сама, - он сел и повернулся к ней. - Скажи. Честно.

Она замолчала. Её губы дрожали - там, где он прикусил их, выступила капелька крови. Она машинально слизнула её и отвела взгляд.

Внутри неё всё кипело - стыд, ярость и желание, такое острое, что сводило живот. Она хотела ударить его снова. И хотела, чтобы он поцеловал её опять. Чтобы разорвал на ней одежду, чтобы прижал к этому холодному камню и сделал то, о чём она боялась даже думать. Потому что в этом безумном, смертельном поцелуе она забыла, кто она. Был только этот опасный мужчина, который стал её наваждением, её слабостью, её единственным шансом на то, чтобы почувствовать себя живой. И это знание разрывало её изнутри.

- Я боюсь, - сказала она наконец.

- Чего?

- Всего. - Она подняла голову, и её глаза блестели. - Я боюсь, что это - проклятие. Что мы не сами хотим друг друга. Что нами управляют обелиски, боги, эта чёртова Хатор с ее иерогамией. Боюсь, что если я позволю себе чувствовать - то потеряю себя. Как три тысячи лет назад.

- Знаешь, - Он взял её за руку. - Если завтра я стану, кем был - я не забуду, кем стал. А стал я тем, кто хочет быть с тобой. Не ради обелисков и бессмертия. А просто потому что... потому что ты - единственная, кто заставляет моё сердце биться быстрее.

Она усмехнулась - сквозь слёзы, страх и безумие всего этого дня.

- Идиот, - сказала она.

- Твоя правда, - ответил он.

Лейла прижалась лбом к его груди и замерла, чувствуя, как он целует ее в макушку.

Где-то глубоко в цифровой вселенной Тота сбой разрастался. Ошибка за ошибкой. Как трещины на льду.

- Неожиданно, - прошептал чей-то голос из ниоткуда. - Я не учел этого... Значит, придется убить их раньше...

ГЛАВА 11

Они осматривали место, в котором оказались – идеально ровные стены, уходящие в бесконечность, но воздух пах гарью и цветущим жасмином. Странное, тревожное сочетание.

Ашраф шёл впереди, хромая сильнее обычного – ловушка в подземелье не прошла даром. Протез скрежетал, и каждый шаг отдавался болью. Но он не жаловался, не мог. Потому что стоило открыть рот – и он сказал бы не то. Слишком много мыслей роилось в голове, слишком много образов – её губы, её стоны, её пальцы на его плечах.

Лейла держалась в паре метров позади и тоже молчала. Но напряжение между ними можно было резать ножом.

Никто из них не заметил, что иероглифы на стенах изменили цвет на черный.

Они свернули в коридор, украшенный статуями ибисов. И там, у подножия разрушенного обелиска, сидел он.

Божественно красивый мужчина лет тридцати, с кожей цвета топленого молока и выюющимися пепельными волосами, которые падали на плечи мягкими волнами. Одет он был в длинное светлое одеяние – почти жреческое, с золотыми нитями по подолу. Он играл на флейте, и музыка уносилась под потолок.

Слишком красиво. Слишком правильно. Слишком вовремя.

Он поднял голову, увидел Лейлу – и тепло улыбнулся. Такая улыбка обезоруживает самых жестоких врагов и заставляет женщин краснеть.

- Нейт, – сказал он, поднимаясь и отряхивая одежду. – Я ждал тебя.

Лейла замерла.

- Откуда ты знаешь моё имя?

- Я знаю больше, чем просто имя. – Он подошёл ближе – его движения были изящны и грациозны, но в то же время в нем чувствовалась божественная мощь. – Меня зовут Хнум. Я был богом плодородия и творцом людей. Теперь – как и вы – падший. Скитаюсь и жду.

- Чего ждёшь? – спросил Ашраф. Голос вышел резче, чем хотелось.

Хнум повернулся к нему. Изучающий взгляд – без враждебности, скорее с любопытством.

- Тебя, Сет. Точнее – вас обоих. Хатор прислала знак. Сказала, что вы идёте к первому обелиску и нуждаетесь в помощи.

- Мы ни в чьей помощи не нуждаемся.

- Ашраф, – Лейла шагнула вперёд, коснулась его локтя. – Не будь грубым.

- Я не грублю. Я констатирую факт.

Хнум снисходительно улыбнулся, чем ещё больше взбесил Ашрафа.

- Он прав. Вы справились бы и без меня. Но я могу сделать путь короче – через старый акведук. И – у меня есть еда.

Он протянул руку, и в ладони материализовалась корзина с фруктами, лепёшками и кувшином воды.

Лейла посмотрела на корзину, потом на Хнума. В её глазах мелькнула благодарность.

- Спасибо, – сказала она, принимая корзину. – Это очень... кстати.

Ашрафу показалось, что глаза Хнума блеснули, когда Лейла взяла яблоко.

Между тем божественный красавец пожал плечами.

- Я бог созидания и возрождения. Мне легче давать, чем брать. – Он бросил быстрый взгляд на Ашрафа, который стоял с каменным лицом и сжимал монтировку так, что костяшки побелели. – Твой друг не голоден?

- Я ей не друг. И я не голоден.

- Ашраф! – Лейла повысила голос.

- Что? Я правду сказал. Мы знакомы всего три дня. Я не знаю, кто он, кто ты, кто я сам. Так что не надо называть меня ничьим другом.

Он развернулся и отошёл к стене, прислонился к ней, скрестил руки на груди.

Лейла вздохнула.

- Извини его, Хнум. Он устал. Мы оба много пережили за это короткое время.

- Понимаю. - Бог плодородия опустился на камень, похлопал по соседнему. - Присядь, откуси это яблоко. Расскажи, что случилось в цифровой вселенной. Я чувствую на вас следы ловушки.

Лейла откусила сочный плод и чуть ли не застонала от удовольствия. Она села рядом с Хнумом - ближе, чем следовало - испытывая к нему невероятное доверие. И начала рассказывать. О стенах, об иглах, о том, как они едва не погибли.

Хнум слушал внимательно, кивал, иногда участливо касаясь её руки. Ашраф видел эти касания, и внутри него закипала глупая, неконтролируемая ревность.

«Почему он трогает её? Почему она позволяет? Почему она смотрит на него так, как на меня не смотрела ни разу?»

Он не понимал своих чувств, и не хотел понимать. Просто стоял у стены и ненавидел этого идеального прекрасного бога, который появился из ниоткуда и уже занял место рядом с ней.

- ...а потом портал открылся, - закончила Лейла. - И мы оказались здесь.

- Ты прошла тяжёлое испытание, - тихо сказал Хнум. - Ты храбрая, Нейт. Не каждая богиня выдержала бы такое.

Она опустила глаза.

- Я не богиня. Я просто женщина.

- Нет. - Хнум поднял её подбородок пальцем. - Ты больше, чем просто женщина. Ты - воин. Ты - мать. Ты - та, кто не сдаётся. И я восхищаюсь тобой.

Ашраф не выдержал.

- Руки убрал, - рявкнул он, отрываясь от стены.

Хнум обернулся спокойно.

- Что?

- Я сказал - убери свои божественные руки от неё.

- Ашраф! - Лейла вскочила.

- Он тебя домогается, а ты ему ещё спасибо говоришь?

- Он не домогается. Он просто...

- Просто что? Просто милый? Просто заботливый? - Ашраф шагнул к Хнуму, сжимая монтировку. - Я таких знаю. Приходят, улыбаются, обещают золотые горы. А потом бросают.

Хнум поднялся без спешки.

- Ты говоришь о себе?

- Я говорю о тебе.

- Ашраф, прекрати! - Лейла встала между ними. - Ты ведёшь себя как ревнивый дурак!

- Я не ревную!

Он замахнулся монтировкой. Хнум не шелохнулся.

Лейла точным движением выбила оружие из его руки. Монтировка отлетела в сторону, звякнув о камни.

- Хватит! - крикнула она. - Ты не мой мужчина, чтобы ревновать!

Ашраф замер.

Тяжелые слова буквально повисли в воздухе. Он смотрел на неё, и в его глазах горели гнев и отчаяние.

- А кто сказал, что нет? - вырвалось у него.

Тишина.

Лейла побледнела. Губы приоткрылись, но звука не было. Она смотрела на него - и в её взгляде плескался ужас. И надежда. Смешанные в равной пропорции, как яд и противоядие.

Ашраф понял, что сказал. Внутри него всё оборвалось.

Он отвернулся, сделал шаг к стене, упёрся в неё лбом. Холодный камень притупил жар, но не погасил.

- Прости, - прошептал он. - Я не должен был.

Она молчала. Хнум тоже молчал - стоял в стороне, скрестив руки, с абсолютно счастливым лицом.

- И что ты предлагаешь? - спросила Лейла.

- Ничего. - Ашраф поднял монтировку с земли. - Я просто сказал. Дальше решай сама.

Он пошёл вперёд, хромая, тяжело опираясь на железо.

Лейла осталась стоять.

- Ты идёшь? - бросил он через плечо.

Она посмотрела на Хнума. Тот кивнул - едва заметно - мол, иди, не бойся.

И она пошла за Ашрафом.

Хнум довольно посмотрел им в след и громко хлопнул в ладоши.

ГЛАВА 12

Хнум хлопнул в ладоши, и звук разнёсся по коридору, многократно отражаясь от стен. Ашраф обернулся - внутри кольнуло нехорошее предчувствие.

Лейла сделала два шага в его сторону и остановилась. Её глаза закатились, ноги подкосились, и она начала оседать на пол.

- Лейла!

Ашраф бросился к ней, подхватил за секунду до того, как её голова ударилась о камни. Она была без сознания - дыхание слабое, пульс нитевидный, кожа бледная.

- Что ты с ней сделал? - зарычал он на Хнума.

Тот довольно улыбался, и в его улыбке не было ничего человеческого.

- Я всего лишь угостил её яблоком, - сказал он. - Ты не в обиде? Я просто хотел убрать ее с дороги, пока мы общаемся наедине.

Ашраф опустил Лейлу на пол, заслонил её своим телом.

- Ты не Хнум.

- Конечно, нет. - «Хнум» провёл рукой по лицу, и черты его поплыли, перестраиваясь. Пепельные волосы потемнели, кожа стала смуглее, одежда превратилась в чёрный комбинезон с символикой Тота. - Меня зовут Сабеф. Я - ученик того самого жреца, которого вы убили в храме Сехмет. Тот дал мне другое тело, и я пришёл отмстить.

- Ты пришёл за смертью, - прорычал Ашраф, сжимая монтировку.

Сабеф щёлкнул пальцами. Из темноты коридора выступили кибер-шакалы.

- В этот раз я не полезу в ближний бой, даже не надеюсь, - усмехнулся Сабеф.

Он махнул рукой, и сотни нейро-игл полетели в сторону Ашрафа.

Ашраф пригнулся, но игл было слишком много. Они впились в спину, в плечи, в шею - и мир раскололся на тысячи осколков.

Он упал, успев только закрыть Лейлу своим телом - и провалился в темноту...

Ашраф очнулся привязанным к металлическому столу.

Холодный воздух пах озоном и кровью. Голова гудела, глаза слезились от яркого света. Над ним склонились силуэты - люди в белых халатах, с инструментами и зондами.

- Где она, ты, чертов зомби? - прохрипел он.

- Она в безопасности, - ответил голос Сабефа. - Во всяком случае, пока.

Ашраф попытался дёрнуться, но синте-ремни держали крепко - не разорвать.

- Не трать силы, - посоветовал Сабеф, появляясь в поле зрения. - Сейчас я сделаю тебе небольшой подарок.

Сабеф улыбнулся, и игла вошла в шею Ашрафа. Боль обожгла - и мир снова исчез.

Он стоял в храме, на чёрном обсидиановом полу. Перед ним - на коленях, связанный, - лежал он сам. Сет.

А рядом стояла она, с копьём в руке.

- Убей его, - прошептал голос Тота. - Он - враг.

Она занесла копьё. Посмотрела на Сета - и улыбнулась.

- Прости, - сказала она. - Но ты не стоишь бессмертия.

Она ударила, и кровь брызнула на обсидиан.

Ашраф закричал.

Картинка сменилась.

Он в пыточной. Руки вывернуты, из пальцев торчат иглы, ногти сорваны. Рядом - Нейт. Она смотрит, как его пытаются - и смеётся.

- Слабак, - говорит она. - Был богом войны – стал куском мяса.

- Зачем? - шепчет он окровавленными губами.

- Потому что Тот обещал мне величие. А ты - только принес проблемы.

Она подносит раскалённые щипцы к его лицу...

Ашраф проснулся с криком.

В голове бились воспоминания - настоящие и ложные. Перемешивались, рвали сознание.

«Она не могла предать. Она любила меня»

«Но чувства - ничто. Она предала»

«Нет. Неправда»

«Правда. Она презирает тебя»

«Ложь!»

Ашраф зарычал - и его зрачки вытянулись в вертикальные щели. Стены лаборатории задрожали. Люди в белых халатах отпрянули в панике.

Ремни лопнули - от нечеловеческого напряжения, божественной ярости, которая поднималась из самых его глубин.

Он встал, голый по пояс, в крови, с горящими глазами.

- Где она? - спросил он голосом, в котором гремели тысячелетия.

Сабеф попятился.

- Не подходи...

Ашраф шагнул к нему и, схватив за горло, приподнял над полом.

- Я спросил: где она?

- В... в кристальной камере... западное крыло...

Ашраф сжал пальцы. Хруст позвонков - и тело живого мертвеца обмякло, упало на пол. На этот раз - навсегда.

Ашраф выбежал из лаборатории - через коридоры, через охрану, которая падала замертво от одного его взгляда. Божественная мощь просыпалась, рвала оковы, требовала крови.

В западном крыле, в центре пустого зала, стоял хрустальный саркофаг.

Внутри него лежала Лейла. Неподвижная, бледная, с закрытыми глазами. Она едва дышала.

Ашраф подошёл к саркофагу и положил ладони на хрусталь.

- Проснись, - прошептал он.

Тишина.

Он ударил кулаком. Трещина пошла по поверхности, но стекло не разбилось.

- Проснись! - закричал он.

Внутри него билось что-то древнее, чёрное, бесконечное. Сила, которая спала тысячелетия. Ярость, которой не было предела.

Он ударил снова - и хрусталь разлетелся осколками.

Он вытащил Лейлу, прижал к себе.

- Проснись, - прошептал он. - Проснись, пожалуйста. Не оставляй меня.

Никакой реакции.

Тогда он склонился к ее лицу и поцеловал обескровленные, холодные губы, стремясь передать весь жар своей пробудившейся мощи.

Она шевельнулась. Её пальцы коснулись его щеки. Ресницы дрогнули, глаза приоткрылись.

- Ты... - прошептала она. - Ты меня нашёл.

- Даже не надейся так легко от меня отделаться...

Она слабо улыбнулась - и потеряла сознание снова.

Ашраф осторожно поднял её на руки и пошёл к выходу.

Шакалы падали замертво на его пути. Стены трескались от его гнева. Потолок обрушился за спиной, отрезая путь назад, в царство лжи.

Он нёс её на руках, хромая, истекая кровью, но не останавливаясь.

Потому что теперь он знал: она его любила. И он любил.

И никакие боги не разлучат их снова.

Он не знал, что каждый его шаг записывался, анализировался и превращался в оружие.

И что обелиск, который они искали, был не только ключом к спасению. Но и ловушкой.

ГЛАВА 13

Ашраф нёс её на руках сквозь разрушенные коридоры, мимо тел поверженных шакалов, мимо трещин в стенах, которые расходились от его шагов, как паутина. Божественная мощь, пробудившаяся в нём, ещё не утихла - она пульсировала в крови, искрила на кончиках пальцев, заставляла воздух дрожать.

Лейла была такой лёгкой. Как будто её душа уже начала покидать тело, оставляя только теплую, но пустую оболочку. Он прижимал её к груди и чувствовал, как слабо бьётся её сердце - все реже и реже.

- Не смей умирать, - прошептал он в её волосы. - Слышишь? Не смей.

Портал к обелиску мерцал в конце коридора - золотой, переливающийся, живой. Ашраф с неподвижной Лейлой на руках шагнул в него не раздумывая...

Они стояли посреди совершенно незнакомого зала. Вокруг не было привычных стен - только бесконечная пустота, под ногами сияла звёздная пыль, а над головой раскинулось чёрное небо, усыпанное галактиками.

В центре на золотом постаменте высился тонкий прозрачный обелиск, излучавший мягкое серебристое свечение. Внутри кристалла спала Лейла. Точнее, её божественная сущность - Нейт. Ашраф видел, как она свернулась калачиком, а её длинные волосы мягко струились сквозь искрящиеся волны света. Это была его Лейла, но в то же время совсем другая - величественная и непостижимая богиня.

Он подошел ближе и опустил свою драгоценную ношу на постамент.

И тогда над обелиском, прямо в воздухе, загорелись голограммы. Семь символов – иероглифов, которые разгорались живым, пульсирующим золотом.

Знаки висели в воздухе, медленно вращаясь, и от каждого исходил тонкий, едва слышимый гул - как будто сама цифровая вселенная Тота пела.

- Что это? - прошептал Ашраф, обращаясь к пустоте.

Пустота не ответила. Но иероглифы запели громче.

Он поднялся, оставив Лейлу на постаменте. Ноги дрожали от усталости и боли, от того, что его божественная мощь все еще сражалась с человеческой оболочкой. Он подошёл к первому иероглифу и провёл по нему пальцами.

Символы вспыхнули и запели, а вокруг них закрутились образы.

Первый иероглиф «Нун» - первобытный хаос - взорвался перед глазами картиной: бесконечный океан тьмы и воды, бездна, из которой родилось всё. Из этой тьмы всплыла золотая ладья, а в ней - двое. Сет и Нейт, две искры в пустоте.

- Это начало, - понял Ашраф. - Рождение богов. Наше рождение.

Второй иероглиф - царственная «Изида» - показал ему момент величия. Он увидел себя - сильного, золотоглазого - стоящим над поверженным врагом.

Третий иероглиф - «Сет» - его собственный знак - был страшным. Он показал Ашрафу его самого, закованного в цепи из чистого света, быющего в агонии, теряющего память. А над ним – Тот с каменным лицом.

- Ты запер меня в смертном теле, - прорычал Ашраф. - Ты украл мою жизнь.

Четвёртый иероглиф - «Нейт» - её знак - засветился ярче всех. Он показал ее: одну, в пустыне, плачущую, сжимающую большой живот.

- Наш сын, - выдохнул Ашраф. - А я даже не знал.

Пятый иероглиф - «Анх» - ключ жизни - взорвался образами будущего. Он увидел их - вместе, сияющих, бессмертных - и сына рядом. И Хатор, улыбающуюся сквозь слёзы.

- Это пророчество, - понял он. - Мы можем вернуть всё. Если пройдем испытание.

Шестой иероглиф - «Хатор» - богини любви - засиял золотом и показал ему путь. Два обелиска. Два мира. И их, сплетенных в объятьях.

Седьмой иероглиф - последний, «Уаджет» - всевидящее око - вспыхнул багровым, а затем из него вырвался образ. Огромное, полупрозрачное, сотканное из цифровых кодов и багровых прожилок чудовище с горящими глазами.

Это был Анубис. Цифровой страж обелиска.

- Ты ещё не пробудил её, - прорычала тень, нависая над Лейлой. - Она будет спать вечно.

- Убирайся! - закричал Ашраф.

Тень не подчинилась. Она ударила его лапой в грудь, и он отлетел к стене, врезавшись в неё спиной. Божественная мощь внутри взвыла, но не смогла пробить защиту стража.

- Плата, - прорычал Анубис, нависая над Лейлой. - За пробуждение нужно заплатить.

Он схватил её руку - безжизненную, холодную - и прижал к обелиску.

- Кровь, - прошипел он. - Жертва.

Когти Анубиса вонзились в её запястье. Алая, горячая, живая - она потекла по прозрачному кристаллу, заполняя иероглифы, проникая внутрь обелиска.

И её сущность отозвалась.

Серебристый свет вспыхнул ослепительной вспышкой.

Ашраф рванулся вперёд, забыв о боли и страхе. Он ударил тень Анубиса голыми руками - и прошёл сквозь неё, как сквозь дым. Цифровой страж замерцал, рассыпаясь, но его голос прозвучал в последний раз:

- Она должна пройти испытание.

Тень исчезла.

Ашраф упал на колени перед Лейлой, схватил её за руки. Из пореза на запястье всё ещё сочилась кровь. Он прижал рану к своим губам, заживляя её поцелуем, чувствуя на языке вкус железа и мёда.

- Вернись, - прошептал он. - Пожалуйста, вернись.

Лейла не ответила.

Но обелиск вспыхнул - и её тело на постаменте замерцало, стало полупрозрачным, а потом исчезло, утянутое внутрь кристалла. Туда, где её сущность билась в конвульсиях, окружённая серебряными нитями памяти.

Ашраф вскочил, бросился к обелиску. Его ладони прижались к холодному стеклу.

- Нет! - закричал он, пытаясь ухватить её душу, но пальцы сжимали пустоту.

- Бедный Сет, - раздался голос за его спиной. Мягкий и вкрадчивый, как мёд.

Ашраф обернулся.

В проёме разрушенного портала стояла Хатор. Её золотое платье струилось, медовые глаза светились в полумраке, а на губах играла победная, почти нежная улыбка.

- Ты, - Ашраф сжал кулаки. - Что ты здесь делаешь?.

- Я, - она шагнула к нему, покачивая бёдрами. - И я пришла забрать то, что принадлежит мне по праву.

- Что ты несёшь?

- Тебя, Сет. - Она остановилась в двух шагах, провела пальцем по его груди. - Я всегда хотела тебя. Но ты выбрал её. Все всегда выбирают её.

Ашраф отшатнулся.

- Ты сумасшедшая.

- Возможно. - Хатор не обиделась. - Но я умею ждать... А теперь, когда она в ловушке, когда ты один, ослаблен и умираешь... - она наклонилась к самому его лицу, - теперь ты мой.

Она потянулась к его губам.

Ашраф оттолкнул её с такой силой, что она едва устояла на ногах.

- Убирайся, - прорычал он. - Даже если я умру через минуту - я не прикоснусь к тебе. Никогда. Ты слышишь? Никогда.

Впервые за три тысячи лет улыбка сползла с лица Хатор.

Её глаза потемнели. Золотое платье вспыхнуло багровым.

- Ты пожалеешь об этом, смертный, - прошептала она. - Ты всего лишь человек. А я - богиня.

Она подняла руку, и её пальцы засветились алым.

- Я не могу заставить тебя любить меня. Но я могу заставить тебя страдать. Так страдать, что ты сам приползёшь ко мне на коленях.

Ашраф не успел уклониться. Алая пелена накрыла его, впилась в глаза, уши, рот - и мир исчез.

Хатор шагнула к нему, наклонилась и прошептала в самое ухо:

- Добро пожаловать в мою игру, Сет.

Она щёлкнула пальцами.

И в следующее мгновение Нейт, впитав в себя образ Лейлы, раскрыла глаза и закричала. Под обелиском раздвинулись плиты и кристалл рухнул вниз, в бесконечность, где не было ни времени, ни пространства, ни надежды.

Но в падении, когда тьма сжимала её со всех сторон, Нейт вдруг услышала свой собственный голос.

«Очнись, - сказал голос. - Ты - богиня. Даже падая, ты летишь».

Она открыла глаза.

Внизу, в бесконечности, горел маленький, далекий огонек.

- Я лечу, - прошептала она.

И движение продолжилось - но теперь она знала, куда.

У них оставалось тридцать восемь дней.

ГЛАВА 14

Лейла ударилась спиной о что-то твёрдое и холодное. Боль вспыхнула в лопатках, прокатилась по позвоночнику и затихла, оставляя после себя тупое, ноющее эхо. Она лежала на боку, судорожно хватая ртом воздух, и чувствовала под щекой мелкий, сухой песок.

- Вставай, - сказал голос. – У тебя нет времени.

Она открыла глаза.

Над ней было багряное, тяжелое небо, и по нему медленно, лениво плыли голографические облака, похожие на рваные саваны. Не было ни солнца, ни луны. Был только ровный, бестелесный свет, льющийся отовсюду и ниоткуда одновременно.

Лейла медленно поднялась и осмотрелась.

Она находилась у подножия гигантской пирамиды. Эта пирамида была соткана из чистого света - прозрачного, мерцающего, переливающегося всеми оттенками золота. Внутри неё, на разных уровнях, пульсировали иероглифы - сотни, тысячи, миллионы. Каждый был размером с человеческую ладонь, и каждый горел своим цветом.

Лейла протянула руку к ближайшему иероглифу. Тот замерцал, и в её голове вспыхнуло знание.

«Здесь хранится сознание всех, кто когда-либо жил. Каждый иероглиф - одна жизнь, один миг, один выбор»

- Добро пожаловать в Храм Памяти, падшая, - произнёс голос. Теперь он звучал ближе.

Лейла обернулась.

Прямо перед ней, в двух шагах, стояла полупрозрачная, мерцающая тень, сотканная из серого тумана и цифровых кодов.

- Кто ты? - спроси

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.